

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ЛЕГЕНДАРНОЕ
ДЕЛО

Полковник Гуров

Николай Леонов
Легендарное дело

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Легендарное дело / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2022 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-171820-6

К полковнику МВД Гурову обратился хозяин частной гостиницы Максим Жуков. Ему по завещанию должно было отойти имущество покойной тети. Но страховая компания по непонятным причинам приостановила дело о наследстве. Вскоре бизнесмену и его жене стали поступать угрозы, кто-то проник в их дом и перевернул все вверх дном, похитили дочь Жуковых, требуя вернуть то, что им не принадлежит. Супруги недоумевают – что от них нужно преступникам? Опытный сыщик Гуров подозревает, что разгадка этой истории кроется в одном старом, почти легендарном, уголовном деле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171820-6

© Леонов Н. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Легендарное дело	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Леонов, Алексей Макеев

Легендарное дело

© Макеев А. В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Легендарное дело

Глава 1

Пляж пестрел отдыхающими – щебечущие стайки детей, степенные старички, хохочущие подростки, суевливые матери с восторженными от солнца и воды детишками. Все это человеческое море рядом с необъятным морем природным пило, смеялось, ело, плескалось у берега, загорало под горячим южным солнцем.

Красивая молодая женщина на белом шезлонге любовалась, как волны размеренно откачиваются и набегают на морскую гальку, словно ритмичное дыхание живого существа, а затем оглянулась на своего спутника. Высокий, широкоплечий, с рельефным торсом, одетый в тонкую майку и ярко-голубые шорты, он, казалось, не замечал суеты вокруг, с увлечением читая книгу в пестрой обложке.

– Не надо делать вид, что увлечен чтением! Уже полчаса не сводишь глаз с того дедули в красных плавках! Извращенец!

Она шутливо шлепнула мужчину по кубикам пресса. Тот снял темные очки, покрутил их в руках, рассматривая темные стекла, и с удивлением уставился на спутницу:

– Как ты догадалась?

Женщина заулыбалась от того, что ее догадка подтвердилась.

– Ты не перелистываешь страницы. Когда я протянула тебе крем от загара, ты не заметил этого – значит, смотрел в противоположную сторону. Там расположились обычная семейка, парочка молодоженов и этот странный пожилой мужчина в красных плавках. И кто из них мог привлечь внимание оперативника по особо важным делам? Разумеется, дедушка, который лежит неподвижно на песке уже второй час и не шевелится, хотя дети наступили на него по несколько раз каждый.

– Ты тоже обратила внимание, что он не шевелится? – откликнулся Лев Гуров.

Это был именно он, один из лучших оперов Москвы. Крепкий мужчина, полковник уголовного розыска криминальной полиции несколько дней как прилетел в Сочи, чтобы провести здесь долгожданный отпуск вместе с любимой женой Марией.

– Ле-е-ев... Я обратила внимание, что ты обратил внимание.

Тон у Марии был укоризненный и шутливый одновременно. За много лет жена привыкла, что даже в отпуске на солнечном пляже Лев Иванович остается профессионалом, который сразу замечает возможное преступление. Первые пару лет она злилась, еще пару лет боролась с этой привычкой, а сейчас уже привыкла и даже сама иногда предлагала сыграть в логическую шараду, когда по внешнему виду случайного человека нужно определить характер, род деятельности и прочие признаки.

Вот и сейчас муж поспешил поделиться с женой своими наблюдениями:

– Он явно не приходится родственником никому из отдыхающих. Смотри, он отделил свое полотенце от соседнего камнями. Загар у него шоколадный – отдыхает давно и регулярно. У старика практически нет вещей, значит, он живет поблизости от пляжа, может быть, в гостинице. Он в отличной физической форме, у него очень аккуратная стрижка. Ухоженная кожа говорит о том, что работает он в офисных условиях, а не на улице. Вряд ли мужчина не рассчитал время нахождения под солнцем или перебрал с алкоголем – он совсем не похож на выпивоху.

Мария во время монолога мужа внимательно присматривалась к старику:

– Он дышит! Просто спит.

– Несмотря на играющих над его головой маленьких детей? Лежа два часа в одном положении под прямыми солнечными лучами и практически на голых камнях, если не считать тоненького полотенца?

Лев внимательно всматривался сквозь темные стекла очков в лежащего без движения старика. Нетерпеливая жена вскочила, в два шага приблизилась к пожилому мужчине и тронула его за плечо. От ее прикосновения старик пружинисто приподнялся, блеснул шикарной белоснежной улыбкой, мягко поймал женскую ладонь и припечатал ее галантным поцелуем. Из-за такого превращения недвижимого тела в импозантного седовласого кавалера женщина растерялась.

– Ой, извините... Я испугалась, что вам стало плохо, и решила проверить, все ли в порядке.

– Со мной все отлично! Отдыхаю чудесно! Двухчасовая медитация на берегу моря в асане «Мертвец» и внимание прекрасной женщины вернут к жизни любого! Ефим Борисович Кальман, профессор медицины, – галантно представился старик, затем ловко собрал тоненькую подстилку и сделал приглашающий жест: – Раз уж такое у нас приятное знакомство, предлагаю продолжить его за обедом в местной ресторации!

– Мария. Можно просто Маша, – протянула смущенная неожиданным предложением женщина.

Она робко оглянулась на мужа. Но Кальмана ее красноречивый взгляд несколько не смутил.

– И мужу вашему предлагаю присоединиться! Я чувствую, как он меня даже через очки медленно поджаривает огненным взглядом похлеще черноморского солнца. Я абсолютно с чистыми намерениями! Мне приятно будет пообщаться с земляками, тем более что и время уже обеденное! Ну, так как?

– Хорошо. – Мария рассмеялась – чудаковатый профессор ей импонировал. – Давайте через полчаса в кафе «Чайка» возле вон той гостиницы.

– Отлично! Я как раз являюсь гостем в этой обители, так что лучшие места с видом на море нам гарантированы.

Ефим Борисович снова склонился к руке своей новой знакомой и легкой походкой направился по деревянному настилу, тянущемуся вдоль всего пляжа для удобства отдыхающих.

Мария вернулась на шезлонг, достала из соломенной сумки яркий сарафан, белые босоножки и шляпу с большими полями.

– Ты был прав. Его зовут Ефим Борисович, он профессор, занимается йогой. И он пригласил нас пообедать с ним через полчаса.

– Элементарно, Ватсон! – отшутился сыщик и резво поднялся с шезлонга. – Я уже готов! Голоден как волк! Или как морской волк?.. Надеюсь, для обеда с профессором подойдут пляжные шорты – мой смокинг остался в душевной Москве.

Настроение у Льва было шутовское. Прекрасная погода, довольная жена, сытный обед впереди и целые две недели отдыха от душного города и ловли преступников! Никаких слежек, допросов и криминала.

– Хорошо, Холмс, в следующий раз я приготовлю для вас загадку посложнее, – в шутку бросила ему вызов жена.

Если бы Мария знала, как она права и как продолжится так идеально начавшийся их отдых на море...

Их ждал отличный обед с шашлыками на открытой веранде в компании профессора Московского медицинского университета, который теперь уже был на пенсии. Но бывших медиков не бывает, как сказал он сам. К обеду профессор спустился в элегантных хлопковых брюках и рубашке, ел аккуратно, искусно пользуясь всеми столовыми приборами, в том числе и вилок для устриц. Обед плавно перетек в приятельскую беседу, а потом и в прогулку по вечерней

набережной, после которой они пили кофе под шум ночного прибоя и в свете маяка. Распрощались они уже глубокой ночью.

– Доброй ночи, молодежь! Чудесно пообщались! Пора мне на боковую, чтобы завтра на рассвете удивлять местную публику асанами на берегу. Здесь я стал уже местной знаменитостью, меня даже фотографируют, когда я занимаюсь моей любимой йогой.

К себе Мария и Лев решили идти пешком, чтобы продлить чудесную ночь, полную звезд, шума прибоя и густых ароматов южных растений. Всю дорогу они обсуждали нового знакомого, который, несмотря на солидный возраст за семьдесят лет, сохранил бодрость тела и веселый нрав.

На территорию мини-гостиницы, где они снимали отдельный домик, супруги зашли тихонько, стараясь не скрипеть калиткой. Владельцы гостиницы, семейная пара Елена и Максим Жуковы, были дальними родственниками коллеги и давнего приятеля Гурова, такого же полковника уголовного розыска Станислава Крячко. Так что на время летнего сезона семейной чете Гуровых за скромную плату был предоставлен лучший домик со всеми удобствами, а вот в остальных номерах проживали исключительно семьи с детьми. Сами хозяева жили в двухэтажном коттедже неподалеку. Так что после десяти вечера здесь царил тишина. Родители, утомленные долгим днем присмотра за энергичными отпрысками, вполголоса болтали на скамейках в уютном дворике с сочными клумбами в крупных цветущих розах, а ближе к полуночи расходились по номерам. Ко времени возвращения четы Гуровых воцарилась абсолютная тишина. Казалось, даже рыбы в домашнем прудике старались лишней раз не плескаться хвостами.

Все четыре номера небольшой гостиницы были собраны в одном строении. С одной стороны дома – вход в номер на первом этаже, лестница и номер на втором этаже. И с другой стороны то же самое. А уютный номер, в котором поселилась чета Гуровых, располагался в отдельной одноэтажной пристройке, соединявшей хозяйский коттедж и летнюю кухню.

Мария со Львом крались по каменной тропинке к входу в свой домик, когда их внимание привлек тихий плач на общей летней кухне – кто-то очень старался сдержать рыдания. Лев махнул рукой, мол, не надо мешать человеку в его желании уединиться, но сердобольная Мария, как обычно, не смогла пройти мимо. Она вежливо пару раз кашлянула и шагнула за разноцветную сетчатую занавеску в проеме двери.

В темноте робко затихла маленькая тень, которая после щелчка выключателя оказалась хозяйкой гостиницы Леной. Пухлая, миловидная, с задорными ямочками на щеках и подбородке, с густой пшеничной косой, она в первый же день вызвала у них симпатию своим ненавязчивым дружелюбием и удивила щепетильной чистотой на всей территории гостиницы. Весь год женщина работала учительницей младших классов, а летом усердно трудилась в гостинице каждый день с шести утра – убиралась в общей кухне, потом во дворе, наводила порядок и меняла постельное белье в номерах. Все это делалось ловкими плавными движениями и с неизменным мурлыканьем под нос любимых песенок. Репертуар у нее был широкий – от шлягеров прошлых лет до романсов. И вдруг такой скрытый от домочадцев и гостей плач в закутке темной кухни...

Из-за яркого света Лена зажмурила глаза, вытерла слезы на щеках и умоляюще сложила ладони:

– Простите, простите! Разбудила вас! Не хотела, думала, все уснули уже!

– Что случилось? – также вполголоса спросила Маша.

Лев стоял в темном дверном проеме, стараясь не смущать женщину своим присутствием.

– Простите, – снова зашептала хозяйка. – По бабке моей двоюродной, Валентине Митрофановне, справляли поминки – полгода со смерти. Я готовила, накрывала, закрутилась, так что покойницу вспомнить минутки не хватило. Уложила вот своих, пошла белье снимать – и такая тоска напала! Вспомнила, как она меня девчонкой по ночам в море учила плавать. Бедовая

была женщина!.. Да вот Лев Иванович знаком с ней, случайно так вышло! В общем, забежала сюда всплакнуть... Простите, что побеспокоила, кручусь каждый день, о вечном вспомнить некогда! Пойду к себе...

Женщина тяжело поднялась и взяла охапку высохшего белья. Несколько легких шагов, и хозяйка бесшумно поднялась по четырем ступенькам в свое двухэтажное жилище. Лев отвел глаза от черного пятна двери и наткнулся взглядом на Марию, которая с аппетитом жевала сосиску возле приоткрытой дверцы холодильника.

Долгая прогулка и свежий воздух творят чудеса, так что, прихватив пару яблок и сочную кисть винограда, они устроили ночной перекус прямо в кровати перед сном. Мария, всегда строго следящая за фигурой в силу своей профессии актрисы, в отпуске сделала себе небольшую поблажку, и Лев с умилением наблюдал, как любимая жена, перемазанная фруктовым соком, засыпает после последней съеденной виноградинки.

Прежде чем уснуть окончательно, Мария успела пробормотать:

– А откуда ты знаешь родственницу Лены, эту двоюродную бедовую бабку?

Но ответ дать ей было некому – щепетильный к порядку Лев убирал раскиданные пляжные полотенца, тарелку из-под фруктов и вытряхивал песок из обуви. Утомленная жена спала, но к нему сон не шел. Слезы хозяйки гостиницы и вопрос жены перенесли его в морозный декабрь прошлого года, когда оперативнику выпала случайность познакомиться с дальней родственницей своего коллеги по работе, Песоцкой Валентиной Митрофановной.

Начало декабря в столице выдалось странным. Несколько дней стояла оттепель, превратившая улицы в чавкающие озера из снега и талой воды, а потом в одну ночь стукнул злой мороз, и озера превратились в катки. Все утро сотрудники ГИБДД металась от одной аварии к другой, спешно регистрируя столкнувшиеся машины, чтобы поставить в протоколе единственную формулировку: «Потеря управления автомобилем из-за плохих погодных условий».

Лев успешно избежал неприятных приключений и уже подъезжал к отделу, когда с просьбой о помощи позвонил его коллега Станислав Крячко:

– Лев, выручай! Мне тут одна дамочка впечаталась в бок, зеркало и фару снесла, ГИБДД ждем. Кажется, к Новому году только приедут – они сегодня на пике популярности. – Даже в неприятной ситуации приятель не упускал возможности похохмить. – Можешь помочь? Мне родственники привезли бабушку на обследование, надо ее срочно в клинику отвезти и там сопроводить. Выручи, а? Жена приболела, некому с бабушкой возиться. Там делов на пару часов. Я в долгу не останусь.

Лев Иванович прикинул, что срочных дел у него сегодня нет, а выручить приятеля – святое дело. Друг другу они были обязаны многократно – вытаскивали друг друга из серьезных передраг, страховали в опасных приключениях и помогали распутывать сложнейшие преступления вот уже много лет.

Поэтому он позвонил начальнику, генералу Петру Николаевичу Орлову. Тот хоть и не стал скрывать недовольство, но с учетом ненормированного рабочего дня оперативников решил заняться личными делами в разгар среды.

До места аварии Лев добрался за полчаса. Возле помятой машины с расстроенным видом стояла девица, а озабоченный Стас разговаривал по телефону, переходя от умоляющих интонаций к рассерженным. После окончания разговора он кивнул коллеге:

– Добрый день, если его таким можно назвать. На обследование мы опоздали, а бабушке по квоте за три месяца запись была сделана. Кое-как согласились перенести, но у них сегодня тоже неразбериха из-за гололеда – и врачи опаздывают, и пациенты. Если успею, поеду сам.

Стас вручил Гурову пухлую папку, содержащую выписки, заключения, полис, направление и прочую медицинскую документацию, необходимую в клинике. Потом распахнул дверцу и прокричал:

– Валентина Митрофановна, мой коллега приехал! Его зовут Лев! Он отвезет вас в клинику, а то у меня машина повреждена! – И вполголоса пояснил напарнику: – Бабулька не то глухая, не то сумасшедшая, не то притворяется, я не понял. Временами глючит ее, не обращай внимания.

Прямая, как палка, старуха сидела, закутавшись в белую шаль, крючковатый нос и острый подбородок властно задрались вверх, утопленные под большим лбом глаза смотрели в одну точку, а костлявые руки сжимали ручку трости. На громкое объяснение Стаса она отреагировала недовольной гримасой, стукнув тростью:

– Дверь-то пошире открой! Или хочешь, чтобы я задохнулась в твоей машине? Наследства не дождешься, так и знай!

Стас с приятелем засуетились, помогая пожилой женщине выйти из одной машины и пересест в другую. Она была высокого роста, худощавая, но мужчины все равно скользили по ледяным проплешинам, с трудом поддерживая старуху с двух сторон. Оказавшись в машине Гурова, она одобрительно похлопала по кожаному сиденью:

– Давно я не каталась на генеральских машинах – как Гришенька ушел в отставку, так и пришлось распрощаться с шиком. Я люблю езду с ветерком, такую, чтобы в груди все сжималось!

– Вот видишь, – зашипел Льву на ухо приятель, как только дверь машины мягко закрылась. – Понеслась сказки рассказывать. Она и замужем никогда не была, а тем более – за генералом. У них вся родня только пить умеет – пьяница на пьянице. Хорошо, что она не по крови родственница мне... Ладно, потом расскажу, как будет случай.

По совету Крячко он всю дорогу старался не прислушиваться к рассказам бабульки, на которую напал приступ болтливости, и она вспоминала или выдумывала одну историю похлеще другой – про ночное ныряние за жемчужным браслетом, про подарки от щедрого поклонника и тому подобное. Истории обрывались на середине, спотыкались об одно слово и резко меняли направление. Сыпались имена, даты и нелестные характеристики. Особенно доставалось женщинам, которые все как на подбор были у Валентины Митрофановны «неухоженными курами». Из вежливости Лев время от времени угукал и поддакивал, а сам внимательно следил за каждым метром дороги, где ситуация сегодня обстояла хуже некуда.

В клинике старушке выкатили кресло, забрали документы и шустро увезли пациентку по светлому коридору, оставив Льва с охапкой теплой одежды в руках. Потекли минуты ожидания. Гуров исследовал в просторном холле автомат с кислородными коктейлями, пролистал ленту новостей в интернете, позвонил жене, доложил о наполовину выполненной просьбе Крячко, ответил на все вопросы коллег по телефону.

Спустя полтора часа врач вернул пожилую женщину и вручил папку и ворох страниц с результатами обследования.

– Ну, что могу сказать. Родственница ваша в прекрасном состоянии, все изменения – в рамках возраста. Так что можете не беспокоиться – долгие годы жизни ей обеспечены. Изменений мозга тоже не выявлено, сосуды в отличном состоянии. – Обычным голосом, без крика, он обратился к пациентке: – Еще замуж можно сходить с вашим здоровьем, Валентина Митрофановна.

В ответ у старухи выступил румянец на щеках, она игриво повела плечом и нежно погладила рукав пуховика своего сопровождающего:

– Шутник! Я от своего Гришеньки никуда.

От нового фортеля старушеници Лев растерялся, поддерживать ее фантазии ему не хотелось. Он попытался объяснить, что она перепутала прошлое и настоящее, но слух у старухи внезапно «пропал».

Она сияла от удовольствия на заднем сиденье, оглаживала его и беседовала с неведомым Гришей в лице Гурова:

– Вот ты зря браслеты без меня выбирал – вкуса у тебя никакого! Накупил барахла! Неужели я в пластиковых серьгах ходить буду? И что за женщина кудрявая вокруг меня крутится? Опять твоя мегера подослала? Все не угомонится, уже столько лет! Убери ее, как домой вернемся! Обещаешь?

И Лев Иванович обещал, потому что, не расслышав утвердительного ответа, капризная пассажирка принялась стучать тростью по резиновому коврику под ногами и шлепать своими птичьими пальцами по воротнику его куртки. Со всех сторон громоздились аварии, машину опасно сносило в ледяной колее и при выезде на скользкий асфальт, так что сыщик был согласен на все что угодно, лишь бы вредная старуха не отвлекала его от дороги.

Возле дома Стаса у подъезда их ждала его жена Наталья. Ветер развеивал во все стороны ее распущенные волнистые волосы, и Лев сообразил, какую кудрявую женщину требовала убрать Валентина Митрофановна. При виде машины Гурова она бросилась к дороге, проваливаясь в рыхлый снег, а Валентина Митрофановна возмущенно запротестовала:

– Я не хочу с ней оставаться, Гриша! Ты же обещал!

Общими усилиями им с Натальей удалось достать из машины пожилую родственницу. Лев взглянул на миниатюрную фигурку женщины, приобнял тяжелое тело старухи и повел свою подопечную к подъезду. Та щебетала без умолку, вцепившись в руку «Гришеньки».

В квартире Наталья помогла старушке разоблачиться из кучи шалей, шуб, накидок и жилеток и прошептала Гурову с теплотой в голосе:

– Спасибо, ты нас так выручил! Меня ужасный хондроз скрутил – саму бы кто потаскал! Может, чаю?

– Давай, – согласился Лев – время шло к обеду, и ему хотелось сделать перерыв в будничной суете.

Наталья, держась за поясицу, ловко разлила чай и выложила на тарелку свежую выпечку. Валентина Митрофановна наблюдала за ее действиями с гримасой неодобрения, чашку демонстративно отодвинула и окаменела с застывшим взглядом. Наталья покосилась на престарелую родственницу и вздохнула:

– Ох, что нас в старости ждет – неизвестно... Ее опекает троюродная сестра моя, Лена, вместе с мужем. Хоть и родня – одно название, седьмая вода на киселе. Они на юге живут, в Сочи. Там курорт, но государственные больницы до сих пор на уровне деревни. Получили квоту областную на обследование в Москве, и пришлось вот самолетом отправлять ее к нам на неделю, чтобы все пройти. Лена сама не может, у нее тридцать ребятишек в первом классе и конец четверти, а Максима задержали на вахте. Из-за погоды, дай бог, к Новому году прилетел бы... Впрочем, мне не в тягость, я Тину с детства помню. Мы с мамой всегда на море летали и у родни жили, так мне Ленка столько про нее историй рассказывала...

– Какую Тину? – не понял Лев.

– Она так всегда просила себя называть, никаких «тетя Валя» или даже «Валентина». Загадочная красотка Тина, покорительница мужских сердец!

«Загадочная красотка Тина» с силой стукнула тростью по кухонному линолеуму и хрипло прокаркала:

– Для кого-то, может, и Тина, а для чужих – Валентина Митрофановна! Чай мне в гостиную принеси! И без молока! Что за деревенские манеры?

После такого заявления с гордо вздернутой головой пожилая женщина удалилась из кухни. Наталья укоризненно покачала головой:

– Есть у нас семейная легенда, что наш прапрапрадед женился на богатой гречанке. Вот Тинину взбалмошность и умение влипнуть в сомнительные истории приписывали генам избалованной прапрапрабабки. У них вся родня оправдывает этими генами свою любовь к опас-

ным аферам и гулянкам. Мама ни с кем из той родни старалась не общаться, а мы с Леночкой всю жизнь поддерживаем отношения, хоть и не виделись уже лет пять. Они, кстати, держат отличную гостиницу, всего в десяти минутах от моря. Если соберетесь с Марией в отпуск, гарантирую, что вам там понравится.

Лев Иванович тепло поблагодарил за гостеприимство и засобирился на выход – преступники ждать не будут. Пока он надевал в прихожей пуховик и теплые ботинки, а щедрая хозяйка заворачивала ему на кухне свои фирменные пироги, старуха высунулась из-за двери и поманила Гурова пальцем.

– Я все сделала, как ты велел – завернула наши конфетки в дешевку. – Она вдруг стала серьезной и погрозила пальцем: – Обмануть меня хотел? Ты не Гриша! Перепишу завещание, и ничего тебе не достанется!

Из кухни вынырнула Наталья, и Лев с облегчением вздохнул – его тяжелая миссия подошла к концу. Уже закрывая дверь, поверх головы невысокой хозяйки он перехватил взгляд старухи из глубины квартиры, полный озорства и хитрого блеска, совсем не похожий на тот замерший и пустой, который она упорно демонстрировала своим родственникам.

Эти воспоминания промелькнули перед глазами Льва, словно кадры фильма. За секунду до того, как погрузиться в сон, он почувствовал укол сожаления, что вредной старухи уже полгода нет на свете. Он подумал, что врач тогда наврал – не хватило Тине времени для устройства личной жизни.

Утро началось с неспешного семейного завтрака, затем ожидала прогулка по пляжу. Жена крутилась перед зеркалом, а Гуров примерялся к необычному для него ничегонеделанью. Ему было так непривычно не планировать оперативные мероприятия, не мчаться по неотложным делам, а кайфовать от бессмысленного лежания на кровати под бормочущий телевизор.

На улице за калиткой из машины приветственно посигналил им владелец гостиницы Максим – короткостриженный крепыш лет сорока. С сосредоточенным хмурым лицом он кивнул гостям и умчался на стареньком «жигуленке» по крутой дороге под горку по улице, ведущей в город.

Летний день четы Гуровых потек своим чередом. Они спустились к берегу моря по крутой стороне холма, на котором расположена гостиница. Хозяева не поскупились и, вместо того чтобы гонять постояльцев в обход по изогнутой асфальтированной дороге, которая по городскому району через дома и магазины приводит к пляжу за двадцать минут, соорудили своими силами крутую лестницу из гладких брусьев с самого верха к низу холма. В итоге Мария и Лев оказались на полупустом пляже через пять минут и с удовольствием сделали заплыв в теплые волны.

После купания семейная пара отправилась в маленькое кафе с летней террасой, где Мария поделилась идеей:

– Хочу пригласить завтра Елену куда-нибудь вместе прогуляться. Хотя бы на шопинг. Она же целыми днями хлопочет по хозяйству, даже времени не хватает на слезы. Да и я соскучилась по цивилизации. Маникюр неплохо бы обновить...

Лев согласно кивнул. Для него самым главным в этом предложении было то, что бродить долгими часами по магазинам и скучать под щебет мастера по маникюру ему не придется. Красивая жена в тщательно подобранных нарядах ему нравилась, но наблюдать за процессом наведения красоты оперативник не любил. Он прикинул, как можно будет провести свободное время с удовольствием. Например, пригласить недавнего знакомого, профессора Кальмана, на партию в бильярд, благо тот зазывал к себе в гости и даже назвал адрес.

После обеда погода начала портиться, небо затянуло облаками, волны поднялись, и пляж мгновенно опустел. От дождя супруги укрылись под навесом кассы на пристани, где Мария принялась изучать рекламные плакаты. На ярких фотографиях красовались разных размеров

морские судна от круизного лайнера до остроносого парусника. На любом из них можно было прокатиться по морским далям, чувствуя себя самым настоящим морским волком. Москвичку с первого дня приезда манили морские приключения, но ее муж, крепкий и бесстрашный оперативник по особо важным делам, страдает сильнейшей морской болезнью, так что от идеи прокатиться на корабле пришлось отказаться.

После дождя выглянуло яркое солнце, и улочки города мгновенно наполнились многолюдной толпой в купальниках, сарафанах и шортах. Купаться по-прежнему было опасно, поэтому отдыхающие набросились на курортные развлечения. Мария же после вчерашней долгой прогулки еще не восстановилась и потянула Льва домой – приготовить обед вместе и посмотреть любимый фильм. В обычные будни работнику уголовного розыска редко выпадает такая возможность, приходится вмещать все удовольствия в летний отпуск.

Однако на подходе к гостинице их ждала неприятная сцена. Из калитки вылетел заплывший мужчина средних лет в светлых брюках и рубашке с оторванными пуговицами. Вслед за ним выбежали разъяренный Максим и Елена, пытающаяся остановить мужа:

– Не надо! Прошу тебя – остановись! Ради меня! Ради Анечки!

Мужчина, красный от гнева, остановился в проеме калитки, поддел ногой портфель и послал его пинком прямо в дорожную пыль. Владелец с ругательствами бросился за своим имуществом:

– Ты за это ответишь! Я тебя выживу из этого города!

Лена робко тянула Максима в дом:

– Перестань, Максим, у нас будут проблемы! Не надо, умоляю тебя!

Лев Иванович подошел ближе.

– Ребята, все в порядке? Нужна помощь?

Но по умоляющему взгляду женщины он уже все понял. Крепким движением Гуров обнял Максима так, что он не смог вырваться, и повел его к скамейке под большим тюльпановым деревом с пышными цветами. Там мужчина снова попытался высвободиться из жесткого объятия.

– Пусти, не буду больше.

Он заметался возле скамьи, как загнанный зверь, будто продолжая стычку с невидимым соперником.

Лев присел на скамейку в ожидании, когда шквал эмоций выльется в слова. Невысокий крепыш сжал кулаки, светлая кожа на лице и даже на голове под золотистым щетинистым ежиком полыхала багровым оттенком.

– Ты не понимаешь! Как мне в глаза жене смотреть?! Она же старалась, каждую неделю таскалась к этой старой карге! Я, конечно, помогал, подвозил, когда не на вахте, но Лена – она ведь не ради наследства это все делала, а потому что семья для нее важнее всего! Я весь день настраивался ей сказать, она же беременна! Не девочка уже, волноваться врачи запретили, а тут этот хлыщ со своим портфельчиком нарисовался – не сотрешь! Не постеснялся припереться прямо домой, хотя я его просил, предупреждал, чтобы к жене не совался!

Лев попытался его успокоить:

– Максим, я согласен с твоей женой – семья важнее всего. Но давай по порядку, а то я понять не могу, из-за чего весь сыр-бор.

Мужчина в ответ лишь отчаянно махнул рукой:

– Да я сегодня с утра к юристу уже съездил, отвалил две тысячи за консультацию. Он сказал, что ничего не поделает, пока следствие не закончится.

– Что за следствие, рассказывай, – оживился Лев Иванович, услышав такое родное слово.

– Да я сам не разобрался толком! Я сварщик, а не мент, в таких делах не соображаю! – От отчаяния Максим стукнул плотным веснушчатым кулаком по стволу дерева.

– А я мент, поэтому рассказывай. Соображу, что можно сделать, или подтвержу, что ничего не сделаешь. Пошли прогуляемся по пляжу, чтобы дурь из тебя вышла немного.

– Пошли, надо проветриться. А то так и хочется догнать этого подлеца и рыло ему начистить, – согласился хозяин гостиницы.

И он решительно направился к забору возле вишневых деревьев. Отогнул металлическую сетку и проскользнул наружу. Льву оставалось только следовать за ним.

Они начали спускаться к пляжу по узкой крутой тропинке. Спуск был опасным и трудным, ноги скользили по пышной траве, а вниз от каждого шага летели перекатами мелкие камешки.

Когда они спустились, красные и мокрые после стремительного спуска, Максим кивнул на почти отвесную площадку травяного холма:

– Вот так раньше к морю приходилось спускаться, пока лестницу не построили. Лестницу Лена придумала, чтобы не петлять через город и не ломать здесь ноги. Местные эту дорогу знали и раньше, позади нашего коттеджа, где я веранду достроил, все усеяно заброшенными тропками... Вверх по улице через три дома – пункт травматологии. Знаешь, как у нас шутили раньше: если ногу сломал, пока с Зеленого холма спускался, получишь в подарок второй перелом.

Но крутой спуск благотворно повлиял на мужчину. Он размеренным шагом пошел вдоль береговой полосы, уводя своего собеседника подальше от многолюдной толпы.

– У Лены родни много – тетки, дядьки, сестры. Все в соседних поселках живут. Ну, как живут... Существуют. Пьют многие, работать не хотят, куролесят – порода у них такая, беспутная. По мне, так это все оправдание безделью. Елена моя, вон, как пчелка, с утра до ночи хозяйство держит. Тетка троюродная, Валентина Митрофановна, всегда у Ленки под боком жила, в соседнем районе, но все равно ближе, чем остальная родня. Она за ней ухаживала долго – прибраться, приготовить, в магазин сходить. В последние два года тетка стала совсем сдавать – один раз плиту не выключила, чуть дом не спалила; в другой раз зимой на крыльце упала и встать не смогла, хорошо, что соседи увидели, подняли, Лене позвонили. Да и дом не квартира – требует мужской руки, особенно такой старый. Там все на честном слове уже держится, топить надо каждый день, вода из колодца, стены осыпаются на голову. Дешевле снести и новый построить, это я как строитель говорю. Да и тетка сама заскучала, надоело ей в одиночестве каждый день сидеть. Лена старалась почаще приезжать, но каждый день не накатаешься, у нас своя семья. Тогда Валентина сама предложила нам сделку: мы оплачиваем ей частный дом престарелых до конца жизни, а она нам отписывает по завещанию свое имущество. Наследство у старухи – и есть тот самый домик-развалюшка. Мы ей выбрали самый лучший дом престарелых в городе, навещали ее каждые выходные. Лена и в будни приезжала повидаться с Валентиной, и Анютка с ней ездила за компанию, хоть у старухи характер совсем не сахар – она привередливая и капризная. Старались по-человечески. Наследство наследством, но для Лены Валентина – родная душа. Когда бабулька начала заговариваться, мы ей даже выбили всеми правдами и неправдами квоту на обследование в столице в неврологической клинике. Из Москвы прилетела она радостная, по бумажкам здоровая на все сто, а буквально через пару недель умерла. Вот не поверишь – чужая, по сути, мне старуха, вредная как черт, а привык я к ней. На похоронах прям истосковался. А Лена до сих пор по ней плачет. Убежит на летнюю кухню, чтобы никто не видел, а обратно с красными глазами возвращается. Позавчера полгода стукнуло со дня смерти, я поехал к нотариусу наследство получать, а там шиш. Валентина зачем-то застраховалась на крупную сумму, и страховая компания заподозрила, что с ее смертью что-то нечисто, и накатала на нас заявление в прокуратуру. На нас с Леной! Дескать, мы бабку со света сжили. Да моя Ленка всю жизнь за Валентиной лучше, чем за ребенком родным, смотрела! У меня миллион в этот участок вложен, заемный! Я же к летнему сезону построил там еще одну гостиницу, номера сдал, задаток взял у людей, думал, осталось только

официальные бумажки подмахнуть у нотариуса – и гостиница начнет работать! Юрист сказал, что, пока следствие не закончится, наследство нам не отдадут, а могут и вообще лишить его как недостойных, даже закон такой есть.

Со стоном злого отчаяния Максим опустил на крупный валун. Морские волны набегали, окатывая брызгами его брюки, но мужчина ничего не замечал, погруженный в тяжелые мысли о своей беде. Лев тронул его за плечо:

– Давай еще раз. Только теперь я буду задавать вопросы, а ты отвечай. Я так и не понял, что за следствие и почему вам отказано в наследстве.

Гурову искренне хотелось помочь разобраться с проблемой человеку, который принял их так радушно. И его грызло сомнение: врач тогда сказал, что Валентину Митрофановну ждут долгие годы жизни, почему же тогда старушка так быстро отправилась в мир иной?

Максим с досадой отмахнулся:

– Да не знаток я в этих делах, руки у меня лучше работают, чем голова! Чего языком молотить – я уже ездил сегодня к юристу, все законно! Остались только долг перед банком, прогоревший бизнес и люди без жилья на отдыхе. И все это по закону!

Лев Иванович не любил хвастаться, но ему пришлось объяснить удрученному хозяину гостиницы, с кем он имеет дело:

– Максим, я много лет занимаюсь расследованиями, в том числе и сложных дел. Я думаю, что смогу тебе помочь. Но для начала необходимо, чтобы я понимал каждую деталь. Скажи, как ты узнал о страховке?

– Да я в глаза страховку не видел, Валентина ее оформила без нашего ведома. После похорон я посоветовался с юристом, он сказал, что можно не ждать полгода и уже вступить в права наследования. Договор у нас с ней подписан был, все чисто. Домик у бабульки в хорошем месте, полкилометра от центрального пляжа, так что я взял кредит и построил там гостиницу наподобие этой. Мы нашли клиентов, взяли предоплату, сегодня должны были заселять первых гостей. Лена рассчитала, что как раз мы у нотариуса все зарегистрируем и сможем этим летом расширить бизнес. Деньги сейчас нужны, Аня школу оканчивает, и там столько трат – выпускной, институт... Жена беременна, будет дома сидеть на больничном, а потом в декрете – тоже деньги срочно нужны. С вахтой я хотел перерыв сделать, чтобы ей помочь, когда ребенок родится. А у нас без вахты тяжело – кроме курортного сезона, работы в городе мало, да и та за копейки.

Максим перечислял свои планы на будущее, сбиваясь каждый раз с рассказа о наследстве, но Лев привык, что люди часто смотрят на ситуацию под житейским углом, а не под юридическим. И сразу по профессиональной привычке он начал присматриваться, не делает ли это мужчина умышленно, заваливая оперативника массой деталей, чтобы исказить картинку. Все-таки интерес в скорейшей смерти родственницы у него был очень горяч – после смерти пожилой женщины их семья наконец могла позволить себе то, о чем мечтала несколько лет.

Он вежливо вернул собеседника в нужное русло:

– Как ты узнал, что процесс по наследованию приостановлен?

– Месяц назад, когда я с вахты вернулся, принялся названивать этот с портфелем, менеджер из страховой. Звонит и заявляет, что смерть подозрительна, результаты вскрытия старушки ему не нравятся. Давай требовать личные вещи покойницы, которые нам отдали в доме престарелых, мол, они ему нужны, чтобы провести расследование и убедиться, что все чисто. А я ни сном ни духом, что Валентина страховку оформила. Я сразу после похорон тетку уехал, так что вещи из пансионата Лена забирала, на такси. Они теперь на чердаке у нас лежат. Ну, что за бред вообще! Я ему так и сказал, что страховка нам не нужна, пускай катится со своими требованиями подальше. Он звонил мне после этого несколько раз, грозился, что у нас будут проблемы, но я сбрасывал все его звонки. И тут звонит мне нотариус по наследству. К нему менты заявили и выдали бумажку, чтобы он документы нашей семье не подписывал.

Там так мудро... Короче, подлец этот из страховой намутил так, что менты дело завели – подозревают, что я тетку до смерти довел. Даже и не знаю, что он там понаплел им. И пока будет идти расследование, не видать нам наследства. Сейчас хлыщ этот домой приперся, ну, ты видел сейчас. Я уж тут совсем голову потерял. Два дня настраивался на разговор с женой про засаду с наследством! Ей нельзя волноваться, а у нас клиенты сегодня заезжают...

Словно в доказательство его слов у Максима настойчиво зазвонил телефон, и он понуро принялся оправдываться, извиняться, звонить кому-то и умолять поселить гостей хотя бы на пару дней. Телефон все звонил и звонил, мужчина то впадал в ярость, то краснел мучительно от оправданий.

Лев шел за ним по отполированной тысячами ног лестнице обратно к гостинице и думал, чем он может помочь этой семье и, самое важное, какая будет реакция у Марии. Ведь вместо отдыха, обещанного обеда и просмотра фильма он займется расследованием обстоятельств смерти какой-то старушки.

На лестничной площадке Максим крепко пожал руку собеседнику:

– Спасибо, что выслушал, хоть на душе полегчало немного. Поеду я гостей по знакомым расселять, задаток возвращать, извиняться, они в аэропорту меня ждут уже. Только прошу, Лене ни слова! Я сам вечером с ней поговорю!

Он залез в старенький автомобиль и исчез в клубах пыли, а Льву ничего не оставалось, кроме как вернуться в дом и выдержать атаку любопытных женщин.

Жену он нашел на светлой веранде в задней части хозяйского дома, откуда из-за расположения на Высоком холме открывался чудесный вид на переливающееся всеми оттенками голубого и зеленого море. При виде серьезного лица мужа, которое она часто наблюдала во время сложных расследований, Мария заторопилась:

– Лен, договорились на завтра, записывай нас на маникюр! Только не очень рано – я пока по московскому времени живу, за два дня не успела адаптироваться! А мы пойдем...

Но хозяйка дома твердо вымолвила:

– Оставайтесь на обед, разговор есть.

Маша робко взглянула на мужа, а тот с удивлением посмотрел на хрупкую женщину. Миниатюрная, с длинными, кудрявыми, строго уложенными волосами, она сейчас показала свое стальное нутро, скрывающееся под мягкими чертами лица и дружелюбными манерами. По ее тону стало ясно, что Лена умеет добиваться желаемого и не привыкла получать отказов. «Не наврал Крячко про своевольную породу», – про себя усмехнулся оперативник, но послушно принял приглашение на обед. Если уж не получается избежать этой истории, то хотя бы можно насладиться трапезой на веранде с прекрасным морским пейзажем.

Поначалу все проходило спокойно. Женщины обсуждали завтрашний запланированный поход на маникюр, а Лев любовался силуэтами кораблей на горизонте. Лена разложила по глубоким тарелкам ароматное жаркое, выставила на отполированный деревянный стол салат из свежей зелени и тарелку с фруктами, а после обеда налила чай с местными травами.

Закончив с едой, женщина собралась с мыслями и удивила Льва своим откровением:

– Я знаю о страховой. Мне их менеджер тоже звонил, когда Максим был в рабочей командировке. Нам в доме престарелых после смерти Тины отдали ее личные вещи – одежду, документы, посуду. И из домика, который мы должны были унаследовать, я тоже часть вещей забрала, а часть раздала родственникам на память. Через месяц после похорон объявился менеджер из страховой компании и начал требовать личные вещи покойницы для проведения расследования. Я ему объяснила, что личные вещи розданы разным людям, я даже не вспомню, что и кому конкретно раздала. Так он мне несколько раз звонил. Но потом пропал. Я уже выдохнула, понадеялась, идиотка, что все само собой решилось. А он, оказывается, все это время доставал моего мужа. И достал... Одноклассница еще сегодня звонила, Галка, которая работает в доме престарелых, пожаловалась, что к ней менты приходили с разговором. Рас-

спрашивали про меня. А она, дурочка, возьми и ляпни, что я всегда подарки ей привозила, когда навещала тетку. А я просто после дочери вещи отдавала ей для ребятишек, домашние заготовки, булочки к чаю. Это же смешно! Но полиция сейчас так все может перевернуть, перекрутить, будто я ей взятки давала! – Бросив осторожный взгляд на Льва, женщина смутилась: – Извините, я не вас имела в виду. Мне Наташа сразу сказала, что вы лучший оперативник Москвы, профессионал. У нас здесь полиция другая, они без конверта не пошевелиятся... Кому и зачем надо, чтобы нас Тинино наследство лишить, ума не приложу. Конкуренция за приезжих у нас высокая, но туристов хватает. Сейчас, перед сезоном, все приличные места были заранее забронированы, тем более что из-за пандемии отменили рейсы за границу. Так что вся Россия к нам ломанулась. Даже самые дорогие номера по заоблачным ценам расхватали. – Елена снова задумалась на пару секунд. – Лев Иванович, у меня просьба к вам. Но если откажетесь, я не обижусь, все же вы в отпуске. Вы можете поговорить с этим менеджером из страховой? Пускай объяснит по-человечески, что ему нужно, зачем он вставляет нам палки в колеса. Максима не хочу к нему отпускать, вы видели, что он сегодня сделал с ним и с его портфелем.

– Хорошо, – согласился Лев, стараясь не смотреть на жену.

– Ой, спасибо! – вспыхнула Елена от радости. – Завтра тогда, да? Мы на маникюр поедem, нас Максим как раз увезет в торговый центр и вас подкинem в город в страховую компанию.

Гуровы поблагодарили хозяйку за обед, распрощались и отправились к себе в номер. Оставшись наедине с женой, Лев хотел было извиниться, что не смог отказаться от просьбы Елены, но Мария обняла его:

– Ты такой хороший! Не хотела бы, чтобы ты однажды стал опером, который не работает без взятки в конверте. Я ни капельки не сержусь, что ты решил помочь Максиму и Лене. Знаешь, я на ее месте была бы в ужасной растерянности. Ухаживать за пожилой родственницей столько лет, оплачивать пребывание в частном доме престарелых и потом вместо наследства и благодарности получить обвинение в убийстве... – Маша аж передернула плечами от возмущения.

Лев умел переключаться с негативных мыслей. На экране телевизора поплыли титры интересного фильма, и он пошел на летнюю кухню за большой тарелкой винограда, чтобы уютно устроиться с ней на большой кровати для просмотра.

Со стороны казалось, что оба наблюдают за происходящим на экране, но Мария смотрела с профессиональным интересом, подмечая малейшие актерские приемы и оценивая уровень игры, а Гуров по профессиональной привычке анализировал ситуацию, произошедшую с хозяйками гостиницы, перебирал события и выстраивал их в единую цепочку. Он так глубоко задумался, что перестал следить за сюжетом фильма. В голове один за другим возникали вопросы: «Что произойдет, если семья Максима и Елены будет лишена наследства? Кому выгодно такое решение? Земля с уже построенной гостиницей отойдет другим наследникам, которые ближе Валентине Митрофановне с точки зрения закона. Страховая компания сможет отказаться от выплаты компенсации и сохранит деньги. Интересно, почему супруги не знали о застрахованной жизни своей подопечной? Почему Валентина заключила договор, не уведомив наследников? И о какой сумме идет речь?»

Лев снова вспомнил свое знакомство с Валентиной Митрофановной и странное поведение пожилой женщины и задался вопросом, могла ли вообще старушка отвечать за свои действия. В тот раз у него сложилось впечатление, что она временами теряет связь с реальностью, поэтому не факт, что она до конца понимала, что за бумаги подписывает... Завтра у Гурова будет много каверзных вопросов к этому менеджеру из страховой компании.

За размышлениями Лев не заметил, что фильм закончился и Мария с легкой усмешкой смотрит, как Лев уже пять минут пялится в погасший экран.

– Интересное кино?

От звука ее голоса он вынырнул из раздумий:

– Прости, я что-то задумался...

– Лев, я вижу, что тебя зацепила эта ситуация. И я знаю, что тебе нужна информация для завтрашнего разговора. Может быть, продолжим общение с Леной, зайдем к ней теперь с ответным визитом? Я выпью чаю, поболтаю с ней, а ты задашь свои вопросы, – предложила жена.

Лицо сыщика озарила улыбка, он чмокнул Марию в щеку:

– Ты у меня самая понимающая жена в мире! Я за тортиком, одна нога здесь, другая там.

На улице еще не стемнело окончательно, но солнце клонилось к горизонту, а тени стали гуще. Гуров толкнул калитку, сделал несколько уверенных шагов по дороге, а потом опустился на одно колено и принялся долго тереть застежку на кожаной сандалиии, хотя та была в полном порядке. Едва выйдя на улицу, Гуров краем глаза заметил движение в кустах, и большое серое пятно с шорохом исчезло за плотной стеной сочных листьев. Поэтому он специально остановился, сделав вид, что борется с непослушной застежкой, а сам постарался услышать дыхание или уловить другие признаки присутствия чужака, который наблюдал за домом. Но голоса, доносящиеся с пляжа, шум моря и треск цикад не давали возможности понять, кто прячется в кустах.

Дорога до ближайшего супермаркета и обратно заняла немного времени. Возле дома оказался припаркован автомобиль Максима, так что по поводу проблемного наследства Валентины Митрофановны можно было расспросить обоих супругов.

Лев аккуратно поставил коробку с тортом на капот машины, а потом внезапно одним прыжком перемахнул за живую изгородь, но там уже никого не было. Зато примятая трава и обломанные края веток подтверждали, что из этого природного логова кто-то следил за гостиницей и отдыхающими.

Днем все обитатели гостиницы проводили время на пляже, а сейчас дворик и летняя кухня ожили и наполнились голосами. У плиты женщины готовили ужин, из открытых окон доносились звуки телевизоров, а двое мужчин засели на скамейке под деревом с шахматной доской. Гуров поздоровался с ними и прошел в хозяйский дом, где его уже ждали.

Максим с удовольствием ужинал, рассказывая жене, кого из гостей куда удалось пристроить, и Лев понял, что разговор между ними состоялся и можно больше не осторожничать.

Мария в его отсутствие перебрала несколько толстых старых альбомов со множеством черно-белых и цветных фотографий Лены и ее многочисленных родственников. Она вытянула из альбомного кармашка пожелтевший снимок красивой женщины с изящными чертами лица и высокими скулами. Женщина смотрела в камеру пронзительным взглядом черных глаз, гордо подняв подбородок и изящно вытянув тонкую шею.

– Валентина Митрофановна в молодости. Инфернальная женщина, – прокомментировала Маша.

Лев внимательно всмотрелся в фото и отметил про себя, что на шее у молодой женщины – дорогое ожерелье и серьги из жемчуга, причем, судя по неровным разнокалиберным жемчужинам, явно настоящие, а на платье – яркая необычная брошь. Может быть, старушка и провела старость в ветхом домике, но в молодости жила совсем не бедно.

Елена с улыбкой кивнула:

– Тина всегда умела выглядеть эффектно. Вроде и не модельная внешность, но какая-то в ней была стать, порода. Выглядела она всегда королевой даже в самом дешевеньком наряде. Жили они бедно – откуда могут быть деньги, когда мать одна троих девок тянет. Побыстрее всех замуж выдала, как только им по шестнадцать исполнилось. Одна Тина, своевольная, как кошка, гуляла сама по себе. Домой на пару дней заявится, матери денег сунет, отоспится и

опять пропадает. Сейчас ее сестры в поселке живут недалеко от Сочи, час на электричке добираться, все семьями, внуками обросли.

– А они не являются наследницами дома Валентины?

– Нет, мать при жизни общий домик переписала на Валентину, и никто не возражал. Она сильно заболела, Тина в одиночку ее выхаживала, по больницам таскала, три операции с ней пережила и химиотерапию, до самого конца с ней возилась. Так что сестры рады были, что она с них сняла эту обузу. Сам домишко – латаный-перелатаный, давно обещает развалиться. Двадцать лет назад никто ведь и не знал, что эта часть города станет такой популярной. Раньше там были выселки, дачный самострой, а выкупать землю и строить гостиницы начали только последние лет пять. Да Тина почти и не общалась с сестрами после смерти матери, у каждой свои беды и проблемы, кому нужна сумасшедшая бабулька. – Под удивленным взглядом Марии женщина развела руками: – Да, последние два года странная она была очень, заговаривалась сильно, людей путала, имена. Мы ее поэтому на обследование отправили, переживали, что, может, опухоль какая или другая болячка. В нашей поликлинике обследование ничего не показало, а в доме престарелых есть свой врач, квалифицированные медсестры присматривают.

– Вы уверены, что Валентина Митрофановна всю жизнь прожила в скромном достатке? – уточнил Гуров – драгоценности на женщине со снимка никак не вязались с рассказом о скромной жизни родственницы.

Женщина в ответ пожала плечами, лицо стало каменным – ей явно была неприятна эта тема.

– Разное про Тину говорили, я тогда девчонкой была и многого не понимала, почему она замужем никогда не была и где пропадала месяцами. Но грязь собирать не хочу. При всей своенравности женщина она была добрая и умела быть благодарной.

Лев постарался объяснить как можно мягче:

– Лена, мне важно разобраться с этими слухами.

– Зачем?

Женщина упрямо задрала вверх нос и подбородок, совсем как ее покойная родственница. Гуров покрутил в руках фотографию молодой красавицы, размышляя, как бы объяснить словами процесс у себя в голове.

– Завтра я поеду на встречу со страховым агентом. Но чтобы понять, кому и почему выгодно лишить вас наследства, мне нужно узнать о вашей родственнице как можно больше. Любая деталь важна, события настоящего времени могут быть связаны с ее прошлым.

Лена погладила снимок, аккуратно убрала его в альбом.

– Раньше Сочи был как деревня, все друг друга знали, особенно кто жил в одном районе. Про Тину соседи, родня и все, кому не лень, собирали слухи, что она живет с мужчиной без росписи в загсе. В те времена это считалось страшным делом. Говорили, что мужчина этот женат, что у него высокая должность и поэтому Тине ничего не светит, кроме как ходить в любовницах. Не знаю, что из этого правда, а что выдумка.

Лев заглянул в блокнот с вопросами, которые он накидал у себя в номере, пока размышлял о разговоре со страховщиком.

– Какая сумма по страховке вам причитается?

Лена развела руками, взглянула на Максима, но и тот не знал, в каком размере дальняя родственница оценила свою жизнь.

– Нам ничего не рассказали. Договор не видели ни я, ни жена. Мужик из страховой только одно твердил: давайте вещи для расследования – или не видеть вам наследства.

– Я правильно понимаю, что у Валентины не было детей и единственные наследники – это ее сестры? Они в курсе вашего договора?

Ответом ему был смешок Максима, который до сих пор молчал. Он шлепнул по столу ладонью.

– В курсе?! Да там родственники вчерашний день не помнят! Они же пьют всю жизнь, не просыхая! Там не наследники, а чайки мусорные!

– Максим!

Одного укориженного взгляда и слова от миниатюрной женщины было достаточно для того, чтобы покрасневший крепыш осекся. Лене явно не хотелось делиться с малознакомыми людьми семейными проблемами. Она и так с трудом смогла все рассказать.

– Выпивают они уже много лет, поэтому за матерью некому было ухаживать, кроме Тины, вот она и не хотела ни общаться с ними, ни тем более оставлять им наследство. – Елена замолчала, опустила лицо и через пару секунд подняла глаза, полные слез. – Если вы нам не можете, я не знаю, что нам делать. Все достанется этому отребью, а нам придется выплачивать кредит.

В комнате повисла неловкая пауза.

Тишину нарушили шаги в коридоре, и в комнату заглянула невысокая худенькая девочка-подросток с такой же роскошной золотистой шевелюрой, как у Елены. При ее появлении все зашевелились и зашумели, а Максим радостно воскликнул:

– А вот и Анютик! Проходи, доченька, поздравайся.

Девочка робко кивнула гостям. Отец сиял от появления девочки и не смог удержаться от горделивого замечания:

– Нюра у нас на медаль идет, в Москву поедет учиться, будет бухгалтером. Выучится и будет папке с бизнесом помогать. На выпускном выступать будет с песней. Артистка такая выросла! Но серьезная, не в пример нынешним детям. Учителя в школе нахвалиться не могут. Ее даже на лето в краеведческий музей взяли на подработку!

– Как интересно! А чем ты там занимаешься? Проводишь экскурсии? – Мария улыбнулась заалевшей от отцовской похвалы Ане.

– Нет, я готовлю выставку «Жизнь в письмах». Собираю и обрабатываю материал. На стендах будут письма и открытки разных лет, от восемнадцатого века до современности. – От смущения голос у девочки сбивался. – Сейчас письма почти не пишут, а раньше это был настоящий ритуал. Утраченная культура.

– Очень интересно! Обязательно придем на выставку, если экспозиция будет готова до нашего отъезда, – пообещала Маша и вопросительно взглянула на Льва: – А сейчас нам уже пора...

Лев Иванович кивнул, и они вернулись в свой номер. Но Марии не сиделось на месте, поэтому они накинули тонкие куртки и отправились гулять по побережью. Не прозвучало ни слова о беде хозяев гостиницы. Слишком давно они ждали этот отпуск, чтобы просто побыть вдвоем.

Глава 2

На следующее утро во время неспешных сборов, когда Мария сосредоточенно подбирала сумочку и босоножки к яркому платью, Лев улучил минутку, чтобы посидеть в раздумьях с блокнотом. Он всегда записывал мысли и версии, чтобы в процессе расследования проверять свои предположения. Но в этот раз то ли повлияло отпускное настроение, то ли у него было мало информации – кроме вопросительных знаков напротив каждого пункта («страховая компания», «родственники»), ничего не появилось. Гуров покрутил карандаш, дописал пункт «любовник», и они с Марией поспешили на улицу, где их ждал, отфыркиваясь, старый автомобильчик Максима.

По дороге к торговому центру женщины болтали на нейтральные темы. Лена рассказывала о том, как помогала дочери организовывать новую экспозицию. Девочку эта тема заинтересовала так, что она вот уже второй месяц с жаром ведет переписку с множеством людей из разных городов и стран, чтобы добавить на стенды редкие экспонаты.

– Первое время я переживала, с кем она там переписывается и что это за люди. Аня же еще ребенок, хотя выглядит уже взрослой девушкой. Тем более живет в провинции. Мы люди простые, вдруг упустим, просмотрим – с подростками всегда страшно, что они могут учудить. Но она все лето в музей бегаёт с интересом, хотя ей там платят совсем немного – четверть ставки. Всю зарплату Анечка мне отдает и каждый день все-все рассказывает – кто написал, что за экспонаты пришли, как ее похвалил директор музея.

Под мелодичный голос Лены Гуров рассматривал город. За несколько дней отпуска они даже не успели еще толком по нему прогуляться.

Возле блистающего зеркальными стенами торгового центра Максим высадил своих пассажиров, и они с энтузиазмом нырнули во вращающиеся двери.

Вчера мужчины договорились, что Максим отвезет Гурова к зданию страховой компании, а сам подождет в машине. С каждым перекрестком лицо мужчины становилось все мрачнее, поэтому Лев решил пока не беспокоить его расспросами.

Он снова попытался выстроить логическую цепочку, чтобы найти ответы на вопросы, зачем и кому выгодно лишить Лену и Максима наследства. По закону о наследовании домик, земля и новая гостиница достанутся сестрам Валентины – лакомый кусочек, за который можно устроить разборки вокруг наследства. Но его опыт оперативника подсказывал, что люди с пристрастием к зеленому змию зачастую способны на преступления из разряда «за бутылку», а вот продумать хитрую схему с жалобами в прокуратуру проспиртованный мозг не способен. И еще важно разобраться, какие у полиции есть основания для подозрения неестественной смерти старой женщины. По стандарту ее тело прошло процедуру вскрытия сразу после смерти, и специалист ничего не заподозрил, иначе не выдал бы заключения и свидетельства о смерти. В общем, сегодняшний разговор должен был дать ответы на многие вопросы.

Страховая компания располагалась в старом здании с осыпающимися бетонными стенами, на втором этаже, за подслеповатыми от многолетней пыли окнами. В ободранном коридоре темнели пятна дверей, за которыми раздавался обычный офисный шум – негромкие голоса, звонки телефонов, ритмичный шорох принтера.

Гуров попал в нужную дверь с третьей попытки. В темноватом пыльном кабинете за единственным столом сидел угрюмый лысоватый мужчина в мятой рубашке и с сизой щетиной на обвисших щеках. Представился он Анатолием Ивановичем Савельевым. Фамилия Жуковы подействовала на него волшебным образом – глаза вспыхнули, а тело застыло во внимании, хотя он старался скрыть интерес, хмурая брови и как бы неохотно отвечая на вопросы. Говорить о размере страховой выплаты и обстоятельствах, при которых Валентина втайне от своих опе-

кунов решила заключить договор, Савельев отказался, сославшись на коммерческую тайну. На остальные вопросы Гуров тоже получил уклончивые ответы без конкретной информации.

Тогда Лев решил идти ва-банк. Он убедился, что в кабинете не стоят камеры, а дверь плотно закрыта.

– Видите ли, семья Жуковых попросила меня с вами договориться. Они готовы согласиться на ваши условия, но с вашей стороны тоже нужны послабления.

Гуров готов был поклясться, что услышал, как в голове Савельева щелкнули рычажки и он начал просчитывать, что же несет такое предложение. Подозрение мелькало в глазах страховщика, но крючок он уже проглотил.

– Как я уже говорил, мне необходимы личные вещи покойной – переписки, документы, дневник, – чтобы убедиться в невинности наследников. Прокуратура работает, и я могу ускорить расследование. Если я увижу бумаги и личные вещи, значит, наследники готовы к сотрудничеству. Тогда можно будет обсудить послабления.

– Зачем вам вещи покойной? Что вы хотите найти?

– Я работаю с клиентами на сто процентов и должен быть уверен, что наследники Песоцкой хорошо о ней заботились. Я действую в ее интересах. Неужели несчастная старушка хотела получить за свой дом не благодарность, а преждевременную смерть?

– Хорошо, хорошо, я вас понял. – Спорить сыщик не стал, видя, как уверенно Савельев гнет свою версию. – Обязательно переговорю с Еленой и Максимом и объясню им разумность вашего требования. Но я думаю, что они просто опасаются мошенников, так что будет проще, если вы предоставите им копию договора для убедительности ваших доводов.

Глаза у сотрудника забегали:

– Зачем договор? Я вам предоставлю справочку, что являюсь сотрудником страховой компании «Альбион»...

– Да в этом никто не сомневается, вы сидите в своем кабинете, табличка на двери висит. Уверен, у вас все законно. Мои друзья просто хотят понять, что за договор заключила женщина. Валентина Митрофановна в последние годы отличалась странным ходом мыслей, поэтому опекуны старались контролировать каждый шаг старушки.

– Признания ее недееспособности не было. Ваши друзья могут сомневаться в чем угодно, имеют право. А старушка имела право застраховать свою жизнь.

Холодный взгляд из-под угловатых бровей и упрямо выдвинутая вперед челюсть говорили о том, что Савельев чувствует себя в разговоре вполне уверенно.

Гурову надоела эта юридическая пикировка. Страховщик прятался за прилизанной вежливостью и не спешил выдавать свои скрытые мотивы. А может, и не было никакой тайны, может, менеджер просто честно отрабатывает свой хлеб и пытается любыми путями избавить компанию от страховой выплаты, ведь наверняка от таких случаев зависит его премия.

Лев распрощался с Савельевым, напоследок бросив еще один манящий крючок:

– Сегодня все вещи будут готовы, получите их под расписку.

Глаза мужчины сверкнули, но этот блеск тут же спрятался за напускной хмуростью и сухим кивком:

– Номер мой знаете, жду звонка.

Спускаясь по лестнице, Лев решил, что раз несговорчивый страховщик не идет на диалог, можно устроить ему сюрприз. Но надо получить официальную информацию о расследовании, хотя придется делать то, что он так не любит, – предъявлять служебное удостоверение.

В машине Максим нетерпеливо спросил:

– Ну, что там?

Сыщик поделился с ним своими идеями, и мужчине осталось лишь развести руками в недоумении:

– И это все? И он от нас отстанет?

– Гарантировать не буду, но его требование вы выполните. Он явно что-то скрывает, ни на один вопрос не ответил толком. Чего он хочет добиться своими действиями, я пока не разобрался. Максим, можешь отвезти меня в прокуратуру? Попытаюсь там с ребятами поговорить и получить информацию насчет следствия.

Максим ошарашенно уставился на Льва. Вчера жена ему объяснила, что их гость не просто мент, а известный на всю Москву опер уголовного розыска. А сегодня этот парень вот так запросто приедет в прокуратуру и решит вопрос с наследством. Гуров словно прочитал его мысли:

– Остановить следствие я не могу и не планирую: есть закон, и его нарушать нельзя. От сотрудника страховой компании удалось получить ноль целых ноль десятых информации, поэтому я и хочу обратиться к своим. Мы же сейчас ничего не знаем точно, все только со слов страховщика. Возможен простой вариант, что Савельев просто из обычного усердия начал вставлять вам палки в колеса, желая таким образом заработать себе премию. Написал заявление, запустил машину – вдруг получится по такой схеме не выплачивать страховку и сберечь для компании лишнюю копейку.

– Да не нужны нам эти выплаты! – со злостью выкрикнул Максим. При одном упоминании о страховке он мгновенно вскипел. – На черта мне эта страховка?! Пусть просто отдадут наследство! Там же гостиница стоит, люди на улице ждут! Пусть себе забирает эти деньги! Я сейчас пойду к нему и напишу отказ от страховки!

Оперативник остановил его:

– Это ничего не изменит, Максим. Заявление написано, с ним работают, и закрыть дело без дополнительного расследования невозможно. Есть лишь вариант ускорить процесс. То, что Савельев требует у вас вещи покойницы в обмен на наследство, – полный блеф. Если полиция уже начала работу в этом направлении, то забрать заявление страховая компания не сможет. Давай прокатимся и из первых рук узнаем, что происходит на самом деле.

Мужчина, красный от гнева, со всей силы нажал на газ и лихо помчался к одной из центральных улиц города, где расположилась прокуратура – неприметное здание в три этажа за высокой оградой.

Время летних отпусков царило и здесь, в коридорах было пусто, сотрудников почти не было видно. В одном из кабинетов Гуров отыскал совсем юного парня в форме. Судя по одной звездочке на погонах, тот был новобранцем, младшим юристом. При виде служебного удостоверения молодой человек вытянулся и в волнении вцепился большим пальцем в краешек стола.

– Вы из Москвы? С проверкой? Главное управление уголовного розыска? Но... что за повод?

– Никаких проверок. – Гурову было неловко пользоваться служебным удостоверением в личных целях, но над ним висело обещание разобраться в ситуации. – Я, можно сказать, за помощью к вам пришел. Я так понимаю, это вы занимаетесь проверкой смерти Песоцкой Валентины Митрофановны?

Парнишка кивнул, лоб у него покрылся испариной, хотя в кабинете исправно работал кондиционер.

– У моих знакомых, опекунов Песоцкой и ее наследников, Елены и Максима Жуковых, возникли сложности с получением наследства из-за того, что страховая компания написала заявление в прокуратуру.

– Да, поступило заявление, приходится проводить расследование, – охотно закивал парень, потом замялся и выдавил, залившись краской: – Понимаете, я бы хотел вам помочь... вернее, вашим друзьям... но это сложно сделать, я не могу просто написать отказ. Это же страховая, у нее юристы...

– Нет, нет! Я не прошу писать отказ. – Лев понял, почему лицо парня заливалось то бледностью, то краснотой – сотрудник был ошарашен появлением важного опера из столицы

и решил, что дело надо срочно замять любым способом. – Я всего лишь хотел узнать детали расследования. Гарантирую, что, кроме меня, больше никто о них не узнает. Я понимаю, что так делать нельзя, но страховая компания толком о своих претензиях не рассказывает. Жуковы – простые люди и от неведения накручивают себя, так что я хочу всего лишь узнать, что происходит. Не более того.

– Уф-ф-ф, – молодой человек выдохнул с заметным облегчением. – Я уж думал, что все... Приготовился погоны снимать.

Он нырнул в сейф, вытащил тоненькую папочку, полистал и придвинул к Гурову поближе. Пока сыщик изучал материалы, парень пояснял, как проходит прокурорская проверка:

– Страховая написала в заявлении, что сомневается в естественной смерти Песоцкой, так как здоровье у нее было отменное на момент заключения договора. Ну, я отправил заключение патологоанатома на проверку, что еще тут можно сделать. По умершей заключение однозначное – остановка сердца во сне, естественная смерть. Запрос на эксгумацию написал, но, честно говоря, получу за него от начальства только нагоняй. Померла старушка во сне, все чисто, и вскрытие это подтвердило. Можно сказать, вхолостую отработали, чтобы страховая не боялась отдавать свои денежки. Но проверить мы обязаны были, чтобы статья не была нарушена. Наследники не совершали преступления против наследодателя, никаких противоправных действий в отношении Песоцкой семьей Жуковых не было... Такая вот работа у нас – по каждому заявлению отрабатывать все мероприятия. Вы бы знали, сколько народу нам пишет! – разоткровенничался парень. – Больше, наверное, только президенту жалуются. И ведь по каждому заявлению надо провести проверку. Так что вы успокойте своих друзей: как только придет результат вскрытия, я сразу напишу отказ, и они получат свое наследство. Ну, если, конечно, ничего нового не обнаружится.

Лев Иванович продолжал листать материалы.

– А есть у вас копия договора Песоцкой со страховой компанией?.. А, все, нашел... А почему только первая и последняя страницы?

Молодой человек почесал в затылке:

– Даже и не спрашивал, мне для проверки этого достаточно. Клиенткой являлась, все данные и реквизиты указаны...

– А можете мне позвонить, когда придет заключение? Если не трудно.

Молодой человек с усердием закивал. После того как миновала опасность конфликта с важной московской шишкой, приезжий опер уголовного розыска казался ему милейшим человеком, так что почему бы и не исполнить его маленькую просьбу. От избытка эмоций из него выпрыгнуло обещание:

– Я потороплю завтра же всех! Чтобы за неделю мы смогли собрать все материалы для отказа!

Лев удивился такой прыти, но останавливать парня не стал – ничего страшного, если тот немного поторопит неповоротливую бюрократическую машину. Сотрудник прокуратуры же после ухода Гурова откинулся на спинку кресла – радостный, что так удачно все вышло: и закон не нарушил, и московский чин, кажется, остался доволен.

В коридоре Гуров остановился и торопливо записал вопрос в блокнот, пока он не испарился под жарким южным солнцем, а затем поспешил к машине. На водительском сиденье замер поникший Максим, который от длительного ожидания совсем отчаялся и застыл в равнодушном оцепенении, как приговоренный к казни ждет появления палача. Лев Иванович хлопнул его по плечу, чтобы привести немного в чувство:

– Не вешай нос, Макс. Все оказалось не так страшно, как вам наговорил сотрудник из страховой. Придется подождать – по заявлению страховой проводится проверка, займет вся

эта возня недели три, после этого прокуратура напишет отказ и снимет запрет на процедуру наследования.

– Три недели – это десять номеров в простое и половина моего кредита в банке, – недовольно поморщился мужчина.

Лев в ответ промолчал, здесь он уже ничем помочь был не в силах. Но по дороге Максим спохватился и с чувством поблагодарил его за помощь.

Дальше день Льва покатило в медленном отпускном темпе – обед с женой на набережной, купание в море, прогулка. Мария с восторгом рассказала о прогулке по торговому центру, продемонстрировала новый маникюр, а вечером предложила:

– Зайдем в гости к Жуковым на чай? Нас Лена пригласила, она очень благодарна, что ты им помог хоть немного разобраться в неприятной ситуации. Так что тебя ждет небольшой сюрприз.

Лев нахмурился – он не был любителем неожиданностей, пусть даже от благодарных знакомых. Мария предупредила его реакцию:

– Знаю, тебе хочется сейчас поворчать, поэтому говорю заранее. Максим с Леной решили организовать ночные шашлыки на берегу, он специально поехал сейчас за свежим морским уловом. Поможем Лене спустить все вниз? Гриль, стулья и посуду. Ей таскать ничего нельзя.

– Чуть позже, мне кое-что надо с ней обсудить.

– Хорошо, – с легкостью согласилась Мария. – Я пока овощи помою и нарежу, помогу ей с закуской.

Гуров поднялся по ступенькам в хозяйский дом, где на веранде хлопотала Лена, а в плетеном кресле с телефоном в руках ее дочка Аня отщипывала из миски с большой кисточки плотные ягоды винограда. Женщина с радостью встретила гостя:

– Спасибо, что помогли разобраться! Мне Максим рассказал, как вы с ним по всему городу катались, даже в прокуратуру ездили! Ох, если бы не вы, я бы и дальше от переживаний с ума сходила!

– Не за что. – Гуров не любил эмоциональные моменты в своей работе и на страдания потерпевших или благодарность спасенных реагировал всегда сухо, по-служебному. – Лен, пока время есть, надо обсудить один вопрос. – Он покосился на девочку, но Лена махнула рукой, мол, можно говорить и при дочери. – Я обещал сотруднику страховой компании, что вы откликнетесь на его просьбу и передадите ему на время личные вещи покойной.

– Зачем? Вы же сказали, что все в порядке, что страховая ничего поделывать не может, вот и ставит палки в колеса...

Лицо женщины вытянулось от удивления.

– Да, прокуратуре просто нужно время, чтобы провести стандартную проверку по заявлению. Вот только... Я так и не смог выяснить, для чего сотрудник страховой компании, как вы говорите, вставляет палки в колеса, зачем тормозит процесс наследования. Они в прокуратуру даже не отправили полную копию страхового договора, а Савельев донимает вас звонками и визитами. Это странно. Думаю, если мы отдадим ему кое-какие вещи, мужчина станет сговорчивее и больше не будет вам досаждать. Тем более это на время, он якобы хочет найти среди вещей доказательства вашей невиновности.

– Странный он какой-то. То угрожает, то вещи требует, то помочь хочет, – покачала головой женщина.

Она взяла фонарик и направилась к чулану, где в углу тянулась на чердак небольшая лестница.

– Мне тоже его просьба кажется необычной, – согласился Лев. – Поэтому я хочу сам взглянуть на эти вещи, прежде чем отдавать их Савельеву.

Лена уже его не слышала, она с ворчанием поднималась по узкой лестнице, подсвечивая себе фонариком, а Лев следовал за ней.

Выключатель шелкнул и осветил низкое помещение просторного чердака. По периметру мансарды с низким потолком висели самодельные полки с аккуратными картонными коробками. Ленина щепетильность проявлялась даже в хранении вещей – каждая коробка была подписана крупным ровным почерком. Хозяйка ткнула на коробки с надписью «Тина», и Лев принялся осторожно переносить их вниз.

В первой коробке лежала сложенная ровными стопками одежда: узорчатые платки, теплые платья и меховая жилетка. С возрастом Валентина сохранила любовь к блестящим, даже немного экстравагантным нарядам – на каждом платье было ручную нашито множество страз, пуговицы у жилетки тоже оказались щедро усыпаны блестящими камешками. Лев не стал нарушать ровный порядок укладки, лишь прошелся по карманам – не завалилось ли там чего-нибудь необычного. Во второй коробке лежали вышивки в деревянных рамках, а в третьей – полотенца, постельное белье и огромная резная шкатулка с дешевыми украшениями: кольцами из начищенной до блеска меди с большими разноцветными камнями, жгутами пластиковых бус, пестрыми браслетами из пластика с металлическими вставками.

– Был человек, и нет человека. Вот и все, что осталось от Тины нашей, красавицы. – В глазах у Лены появились слезы, она с нежностью погладила вышивки. – На старости лет за рукоделие взялась, вышивала так красиво! Я ей каждый месяц новый набор покупала, она к ним сама украшения добавляла. Вот глаза у кошечки стекляшками выложила зелеными, как красиво получилось! У Тины всегда вкус хороший был, не для нашей деревни.

Лев закончил осмотр и приподнял коробки, чтобы отнести их обратно на чердак, но женщина остановила его:

– Не поднимайте, я давно хотела разобраться с ее вещами. Одежду в поселок передадим, может, кто из сестер носить будет. Вещи-то хорошие, Тина умела наряды выбирать, чтобы красиво и долго носить. Вышивку я дома повешу, может, что-то в музей отнесем. Да, Анютка?

Увлеченная телефоном дочка лишь махнула в ответ головой. Женщина замаялась, не зная, уместно ли будет ее предложение. Все-таки московские гости, нужны им такие подарки?

– Вы берите, если что понравилось... На память о Тине. Она вас запомнила хорошо, постоянно рассказывала, как ее в Москве генерал на машине с кожаным салоном катал.

Лев только улыбнулся:

– Пускай Маша выберет, я в женских штучках не разбираюсь. Вкуса нет, как вы говорите. – Он мгновенно стал серьезным: – А где бумаги, документы, письма или личные записи? Здесь только одежда и украшения.

– Ой! – спохватилась Лена. – Ань, а где Тинины бумажки? У тебя в комнате?

Девочка досадливо наморщила носик:

– Мам, я же унесла их в музей для выставки, ты забыла? Там открытки и конверты есть, и сами письма внутри. Но я их не читала, ты же мне запретила... У меня в комнате остался только столик, тот, который под зеркалом.

– Покажешь? – попросил Гуров девочку.

Она послушно дождалась согласия матери и повела сыщика в свою комнату. Пространство было обставлено добротной мебелью, стены оклеены нежными розовыми обоями, на окне белые занавески, на полу бежевый пушистый ковер – комната настоящей принцессы. Из всей обстановки выделялся только старенький резной столик. Он хорошо сохранился, но его затейливые узоры и изогнутые формы плохо вписывались в общий дизайн комнаты. Столик вплотную был приставлен к зеркалу, миниатюрная столешница была завалена косметикой, заколками и другими неизвестными Гурову женскими штучками для наведения красоты. Под столешницей красовалась целая система из крохотных выдвигающихся ящичков.

Лев тактично обратился к девочке, чтобы она не испытывала неловкость:

– Мне необходимо осмотреть каждый ящик. Я понимаю, что там, скорее всего, твои личные вещи, но мне они не нужны. Если я увижу что-нибудь... м-м-м... нежелательное, твои

родители об этом не узнают, я обещаю. Я лишь хочу убедиться, что там нет бумаг твоей родственницы.

Аня громко хохотнула, как ее взрывной отец, выудила из горки заколок на столешнице шпильку, потянула один из ящиков и ткнула куда-то сбоку острием. С резким щелчком выскочила деревянная пластинка, служившая вторым дном. Девочка лукаво прищурилась:

– Это хотели найти, да? Я читала про такие секретные места, но там ничего интересного не было, никаких драгоценностей. Только письма от какого-то Гриши... Ой, я обещала маме не читать письма Тины, она думает, что я еще слишком маленькая для такого. Вы ей не скажете?

Лев кивком подтвердил.

– Ничего интересного там не было, письма все без конвертов, про любовь и все такое, я половину и не поняла.

– Где сейчас эти письма?

Девочка задумалась, вспоминая.

– В музее, кажется, вместе с остальными. Я их нашла и сложила в общую пачку, чтобы мама не заметила, а потом унесла все в музей. Мой руководитель должен просмотреть все письма и отобрать, какие будут участвовать в выставке. Но письма от Гриши точно не подойдут, они были написаны после войны, там дата стоит, а мы хотим разыскать треугольники с фронта.

– Ань, я хотел бы взглянуть на эти письма, можешь принести их завтра?

Девица кивнула:

– Да, принесу. Говорю же, там только открытки интересные, а письма не подходят, они слишком современны.

В комнату заглянула Лена с телефоном и поманила пальцем Гурова. Зажав динамик, она прошептала:

– Тут этот звонит, из страховой, спрашивает, во сколько за вещами приезжать. Что сказать ему?

Лев забрал телефон:

– Это Гуров. Приезжайте завтра в первой половине дня. В моем присутствии сможете осмотреть все вещи покойницы.

– В смысле, при вас?! – возмутился глухой голос на том конце. – Вы что, думаете, все так быстро, раз-раз, и все? Мне нужны вещи как минимум на пару дней, чтобы изучить все досконально!

– Хорошо, у вас будет пара дней, но здесь, в доме Жуковых, и при свидетелях. До свидания, ждем вас завтра.

Лев по тяжелому дыханию и длинным паузам понял, что его собеседник изо всех сил сдерживает гнев, поэтому решил закончить разговор, чтобы не заниматься бессмысленным препирательством.

После визита в прокуратуру он твердо решил узнать, зачем страховщику так нужны личные вещи умершей женщины. Сыщик поделился с Максимом планом: разрешить Савельеву осматривать вещи, но при родственниках, при свидетелях. Максим был согласен на любой вариант, лишь бы назойливый Анатолий отстал от его семьи. А после разговора по телефону Гуров объяснил Лене, что завтра будет необходимо дать возможность сотруднику страховой сколько угодно рассматривать вещи из всех трех коробок, но так, чтобы он был все время на глазах у членов семьи.

Солнце почти село, и Лев принялся спускаться по лестнице на берег моря складную мебель, мангал и тарелки с закусками, а сам при этом размышлял, не будет ли Мария против, если он завтра проведет с сотрудником страховой компании несколько часов. Его разбирало любопытство, что же так упорно выискивает Анатолий. Может быть, он проговорится невзначай.

Час спустя начался пикник. Максим ловко поджаривал на гриле все, что ему давали, от хлеба до свежей рыбы. Женщины устроились в удобных складных креслах за веселым разговором. Присоединилась и Аня – принесла портативную колонку, и по берегу понеслись заводные ритмы старых хитов. Лев насмешил женщин парой историй из оперативной практики, поболтал с Максимом, попробовал все блюда и решил после сытного ужина прогуляться вдоль берега.

Отойдя метров на десять, он вдруг заметил шевеление среди зеленой густой растительности на холме, где виднелась красная крыша дома Жуковых. В лунном свете было трудно рассмотреть что-либо, но сыщик увидел, как будто перекачивается волна по зеленому ковру, хотя с моря дул всего лишь нежный бриз. Он поторопился вернуться к компании, чтобы спросить, видят ли они то же самое.

В кресле сидела одна Мария, она протянула ко Льву руки:

– Лев, как хорошо, такой милый вечер! Смотрела, как ты гуляешь, и думала, что люблю тебя еще сильнее, чем раньше!

– А где все? – Внутри у опытного опера сжалась тревожная пружина.

– Лена с Максом пошли прогуляться по берегу, Анютка в дом убежала за пледами, а то прохладно стало. – Она всмотрелась в встревоженное лицо мужа: – Что-то случилось?

На объяснения времени не было. Гуров бросился вверх по лестнице, перешагивая через две ступеньки, и влетел в калитку одним движением, чуть не сбив женщину с ребенком на дорожке у пруда. Пара ступеней в коттедж Жуковых, и он очутился в темной прихожей. Опер нащупал ручку двери, рванул ее на себя, окинул профессиональным взглядом помещение просторной прихожей и поймал движение в зеркале, где отражался кусочек веранды. Он бросился туда и почти споткнулся об Аню.

Ее тело вытянулось вдоль порога, под головой растекалась лужицей кровь. Возле веранды в кустах шуршал убегающий преступник, но Лев не мог броситься следом, он проверял пульс на шее у девочки и одновременно набирал номер «Скорой помощи».

За спиной забухали тяжелые шаги – в проеме двери показался Максим, а за ним Лена. При виде лежащей дочери женщина тонко вскрикнула и бросилась на пол, а отец замер с растерянностью на лице.

Вдруг Елена Жукова вся собралась, словно отрубилась рвущиеся наружу эмоции, и приказала мужу:

– Беги на кухню, носи аптечку и мокрое полотенце, оно чистое, на сушилке висит. Я промою рану.

Девочка застонала:

– Мама, меня ударил кто-то... Я услышала на веранде шум, выглянула, и он меня ударил... Как больно, мамочка!.. – Аня заплакала.

– Тише, тише, помолчи, у тебя сотрясение. Сейчас поедem с тобой в больницу, не бойся. Я с тобой поеду.

Женщина ловкими движениями промокала рану. Максим, застывший рядом с выражением муки на лице, встрепенулся от нового шороха:

– Он здесь! Я убью его сейчас! Ах ты, гадина!

Мужчина бросился через невысокие перила, но его остановил окрик жены:

– Максим! Не смей! Там очень крутой спуск, ты можешь разбиться! Лучше помоги донести Аню до дивана!

Супруги вдвоем помогли дочери подняться и дойти до дивана. Кровь у девочки остановилась, и у Лены получилось осмотреть рану.

– Ничего страшного, просто рассечена кожа. Полежишь пару дней в больнице под наблюдением врачей, – с облегчением выдохнула она.

Со стороны улицы донесся звук сирены, и Максим бросился встречать медиков. Гуров подошел к дивану.

– Ань, давай я помогу тебе дойти до твоей комнаты, ты сможешь?

Девочка встала. Лена бросила удивленный взгляд, и Лев пояснил:

– Надо вызвать полицию. Кто-то проник в дом и напал на девочку.

– Да что же у нас грабить, мы совсем не богачи!

От удивления брови женщины взметнулись вверх. Она обвела пространство взглядом и застыла в ступоре. На полу было разбросано содержимое коробок с надписью «Тина». Одежда, постельное белье, скромные украшения, так любовно уложенные Леной, были вывалены в беспорядке и раскиданы по всей веранде. Кто-то спешно рылся в коробках, когда его спугнула забежавшая в дом девочка. Шум убегающего преступника они слышали до сих пор в зарослях, но могли лишь беспомощно смотреть, какой разгром он устроил.

Глава 3

Утром Лев тихо выскользнул из номера, пока Мария крепко спала после длинной бессонной ночи. Она не смогла остаться в стороне от печального события. После того как Лена с Максимом вернулись из больницы, где оставили дочь под наблюдением врачей, Маша пробыла в доме хозяев гостиницы еще несколько часов. Полиция допросила Гуровых в качестве свидетелей, а после осмотра экспертами места преступления Мария долго помогала Елене убираться на веранде и справляться с горькими слезами от страха за дочь.

Лев тоже не спал оставшиеся до рассвета часы. Его мучили чувство вины и мысль, что нападение на девочку произошло, поскольку он настоял на том, чтобы не отдавать страховщику вещи покойной. Кто же так упорно охотится за вещами Песоцкой вот уже несколько месяцев? Очевидно, что страховщик, потеряв надежду договориться, решил использовать противозаконные методы. Свои подозрения Гуров озвучивать родителям Ани не стал, но решил разобратся в ситуации. Лев Иванович как профессионал понимал, что от его эмоций прошлое не изменится и ошибку надо исправлять здесь и сейчас, поэтому он вчера выяснил у Максима Жукова адрес и название частного дома престарелых, где провела последние годы Валентина Митрофановна. Необходимо было срочно выяснить, что же так упорно ищет страховщик. Раз ее родственники не знают, о чем речь, и грабитель не нашел искомое в коробках с вещами, значит, возможно, эта вещь до сих пор лежит в последнем жилище покойной женщины. Больше жертв не нужно, он должен опередить преступника! Только неплохо бы узнать, что надо искать.

Вздыхнув, Лев принялся бесшумно заваривать себе кофе. Как же непривычно без поддержки напарника, полковника Крячко, без возможности сделать экспертизу в лаборатории и вести расследование официально! Да и жена ждала этого отпуска целый год, а вместо отдыха – одна неприятность за другой. Гуров решил, что до обеда посетит дом престарелых, а оставшиеся полдня можно будет спокойно провести на пляже с Марией. Он оставил жене записку, чтобы она не беспокоилась, выпил крепкого кофе и посмотрел маршрут на телефоне.

Ехать в соседний район, по московским меркам, оказалось недолго, чуть меньше часа. Гуров уже много лет не пользовался общественным транспортом, так что, глядя в окно, с удовольствием любовался пустым утренним курортным городом, улицы которого еще не наполнились гомоном туристов, яркими расцветками купальников и летних шорт.

Дом престарелых располагался в глубине города, недалеко от небольшой церквушки и парка. Двухэтажное старое здание было отремонтировано и выкрашено в приятный глазу бежевый цвет. Кругом пестрели яркие клумбы. Своей территорией дом престарелых напоминал детский сад: яркая беседка, удобные скамейки со столами, где стояли коробки с шахматами и шашками, возле клумб миниатюрные грабельки и лопатки для ухода за растениями, небольшая спортивная площадка, где постояльцы могут заниматься на свежем воздухе. О том, что в этом доме проводят свое время не дети, а старики, говорил лишь навес в углу спортивной площадки, где хранились не детские коляски, а ходунки и инвалидные кресла. Сами обитатели, из тех, кто мог передвигаться без помощи посторонних, выстроились на спортивной площадке и старательно делали упражнения под присмотром крепко сложенной женщины в спортивном костюме. Та двигалась энергично, так, что тряслись завитки ее пышной химической завивки ярко-рыжего оттенка.

– И потянулись хорошенько к солнышку! Тянемся! Тянемся так, чтобы косточки выпрямились и хрустнули! Закончили упражнение.

При виде незнакомца за высокими воротами с кодовым замком женщина приостановила зарядку и отправила своих подопечных самостоятельно работать на простеньких уличных тренажерах. Она подошла к калитке, сквозь очки внимательно рассматривая посетителя. На лице у женщины застыла вежливая улыбка, но глаза настороженно ощупывали непрошеного гостя.

– Доброе утро! Посещения начинаются с десяти. Вы к кому пришли?

Лев Иванович показал служебное удостоверение, чтобы избежать длинных объяснений, и сотрудница без вопросов набрала на замке код и провела оперативника к площадке.

– Меня зовут Светлана Васильевна, я директор этого дома престарелых. Хотя мы так его не называем. «Солнечная забота» – это пансионат по уходу за людьми пожилого возраста. Мы заботимся об их здоровье, настроении и вообще обо всех аспектах жизни.

– Отлично, – кивнул Лев. – Мне необходимо с вами переговорить о вашей постоялице Песоцкой Валентине Митрофановне. Где мы можем уединиться? Вы сейчас заняты?

– Мы практически закончили, но я не могу оставить их одних, у нас строгие правила насчет надзора за нашими подопечными, они не должны быть одни. Сейчас я приглашу медсестру, которая присматривает за ними во время прогулки, и мы сможем пройти ко мне в кабинет. – Директор сделала паузу. – И мне хотелось бы переодеться – в спортивном костюме я только провожу занятия ЛФК.

Лев Иванович согласно кивнул. Ему хотелось повнимательнее присмотреться к старичкам, бодро разминавшимся на площадке. На смену директору вышла невысокая кругленькая медсестра с россыпью веснушек на мягких щечках. Директриса что-то негромко ей проговорила и исчезла за тяжелой дверью. Лев сделал вид, что не замечает атмосферу общей настороженности, и лучезарно улыбнулся сотруднице. Как ни в чем не бывало он прошел на площадку, поздоровался со старичками, и те с любопытством уставились на гостя.

– Доброе утро! Я пришел поговорить о Валентине Песоцкой. Вы были с ней знакомы? – обратился он к двум старичкам, которые стояли отдельно от остальных возле турника.

– С Тинкой? А то! – бодро отреагировал сухопарый старичок в смешной огромной кепке, лихо сдвинутой набок. Он вдруг грязно выругался, так что Лев аж застыл от удивления. – Шалава эта ваша Тинка! С самой школы таскалась, как последняя профура!

– Вы ее с самой школы знали? – быстро нашелся сыщик.

– А то!

Старичок передвинул кепку на другое ухо, стайка старушек поодаль с любопытством прислушивалась к их разговору. Второй старичок кивал, но глаза его смотрели в пустоту впереди себя.

– Все же знают, что Тинка с молодости была оторва, – продолжил старичок. – Она восемь классов кое-как окончила и сразу в полюбовницы пошла, от нас нос воротила, что мы малолетки, а она с начальством местным трется.

– А здесь, в пансионе, у вас с ней какие отношения сложились?

– Шлюха – она и в старости шлюха, так же нос воротила от нас. – Лицо старикашки перекосилось от злости. – А сама нищенка, ничего от своего женатого любовника не поимела, кроме проблем. За нее родственники платили, я знаю. Я ей предлагал, дуре, ко мне переехать в комнату, а она давай хохотать, что с потрохами нас всех купить может. Курва!

От обиды у пожилого мужчины летели во все стороны капельки слюны, кожа пошла красными пятнами. Кучка зрительниц у тренажеров затихла. На площадке засуетилась медсестра, она оттащила в сторону разбушевавшегося старика и зашептала Льву:

– Извините, вам нельзя с ними разговаривать. Ему плохо, сейчас приступ хватит. Им нельзя волноваться. Идите к входу, пожалуйста.

В дверях показалась директриса в деловом костюме – строгая юбка, скромная блузка. Она нахмурила брови при виде сцены на площадке и, поджав губы, сделала строгое замечание:

– Не стоит общаться с постояльцами пансионата без моего разрешения. Многие из них не отдают отчета своим действиям и словам. Незнакомые люди их пугают и могут спровоцировать на негатив. Следуйте за мной. Все вопросы задавайте мне, пожалуйста.

Лев Иванович прошел следом за женщиной по большому светлому холлу, где уборщица протирала пол между мягкими креслами, расставленными перед телевизором. Заметив его полный любопытства взгляд, женщина пояснила:

– Здесь наши подопечные проводят свободное время. Телевизор, настольные игры, живое общение. Есть также общая столовая, процедурная, медицинский кабинет. Нашим постояльцам ведь требуется ежедневный уход, регулярные осмотры, уколы, массаж и другие манипуляции. Наверху располагаются комнаты.

– У каждого отдельная комната? Сколько стоит содержание в месяц?

– Сумма может варьироваться от тридцати тысяч в месяц до бесконечности, – нахмурилась Светлана Васильевна. – Все очень индивидуально, зависит от состояния гостя. Мы собираем информацию, анализируем медицинскую карту и потом уже предлагаем пакет услуг.

Она распахнула светлую дверь и пригласила Гурова в небольшой кабинет. Лев Иванович устроился в удобном кресле для посетителей, а женщина заняла место за столом.

– Итак, слушаю. Что вы хотели узнать?

– В вашем пансионате недавно умерла Песоцкая Валентина.

Лев внимательно наблюдал за мимикой директрисы, но та явно привыкла к смерти своих постояльцев, на ее лице не дрогнул ни один мускул.

– Мне хотелось бы узнать подробности, как это произошло, кто обнаружил тело и кто забрал потом вещи.

Лев Иванович пока даже для себя не мог сформулировать, что именно он хочет найти в доме престарелых. Он действовал так, как привык в своей профессиональной деятельности – медленно и методично устанавливая все факты, каждую деталь.

Директриса раскрыла пластиковую папку, но заглядывать туда не стала. От Гурова не укрылось, что она практически наизусть знает содержимое и отвечает на его вопросы без запинки.

– В 7.30 утра медсестра пришла будить Валентину Митрофановну, как обычно это делается у нас. Та не отреагировала. Вызвали врача, он констатировал смерть. Это было в 7.43. Мы вызвали «Скорую» и полицию, как положено по регламенту. Никаких разбросанных вещей, рвоты или травм не было.

– У вас здесь свой врач?

– Да, Иван Иванович работает здесь полдня. Конечно же, в штате еще есть несколько профессиональных медицинских сестер, которые умеют оказывать первую помощь и проводят все процедуры. Но врача тоже удобно иметь под рукой. Мои ребята страдают кучей хронических заболеваний, и чтобы не возить пациентов постоянно в больницу, врач осматривает их минимум два раза в неделю и делает назначения – лечение, процедуры, рекомендации по питанию. Мы являемся частью большой сети пансионатов по уходу за пожилыми, наши филиалы есть во многих городах. Генеральный директор и владелец в Москве, работает в этой сфере уже давно, так что штат сотрудников был утвержден исходя из многолетней практики.

Лев Иванович кивал, а сам пытался понять, почему женщина так волнуется, отвечая на обычные вопросы. Кончики рыжих спиралек дрожали, хотя в кабинете были плотно закрыты окна, женщина машинально облизывала губы и то и дело прикасалась к часам на запястье.

– С кем из ваших подопечных общалась Песоцкая?

– Знаете, что старики, что дети – проблемы у всех одинаковые. Валентина – или, как она просила себя называть, Тина – очень была сосредоточена на своей внешности, любила наряжаться и ухаживать за собой, и наши дамы воспринимали ее как соперницу. Так что подружилась она, если это можно назвать дружбой, лишь с одной постоялицей, с Кларой. Понимаете, не все наши гости воспринимают реальность адекватно, некоторые живут в своем мире.

– Вы хотите сказать, что Клара не в себе? – переспросил Лев.

Уклончивый тон директрисы вызывал у него подозрения, что она что-то скрывает.

– Мы не используем такие понятия, – снова строго прозвучал ответ. – Клара иногда путает прошлое и настоящее. Может быть, наслаиваются книги или фильмы. При этом она вполне способна себя обслуживать. По меркам дома престарелых она в прекрасном здравии. А эти уходы в свой мир – всего лишь милое чудачество.

– Я могу поговорить с ней?

Пружинки волос затрепетали что есть сил, глаза у женщины забегали, и она выдавила:

– Не знаю, есть ли в этом смысл. Кажется, сегодня она себя плохо чувствовала. Да я бы и не сказала, что они прям дружили. Клара очень милая и нашла общий язык почти со всеми нашими постояльцами. У нее есть традиция – каждый вечер устраивать чаепития с очередной подругой, болтать обо всем на свете и рассказывать свои истории. Тина восприняла внимание женщины как данность, серьезно к Кларе не относилась. Не думаю, что она будет вам полезна.

– Очень жаль.

Лев сделал паузу, но директор упрямо молчала и перебирала пальцами пуговицы на пиджаке.

– Так что же стало с вещами Валентины Митрофановны? После ее смерти кто их забрал? Ему показалась, что директриса вздохнула с облегчением.

– Приехали родственники и забрали их. Часть вещей они раздали персоналу, который ухаживал за Валентиной. Родственники наших умерших клиентов делают это очень часто – предлагают оставить что-нибудь на память о покойных. Обычно это мелочи, но иногда бывают и солидные подарки, я не возражаю против этого. Мои сотрудницы работают, ухаживают за стариками, как за родными, вкладывают душу и также горюют после их ухода.

– Вы можете вспомнить, что именно и кому из персонала отдали родственники Валентины?

Директор приподняла бровь в удивлении, но достала из ящика стола расписание дежурства сотрудников и сосредоточенно прошлась глазами по списку.

– Так. Наша уборщица взяла себе платок. Две вышитые картины мы повесили в холле. Медсестра Галина, которую вы видели на улице, забрала себе сумку... Кажется, это все... Хотите переговорить с Галей?

Теперь настала очередь Гурова удивляться. Строгая директриса, которая не разрешила ему пообщаться с приятельницей Валентины, вдруг сама предложила ему переговорить с сотрудницей. Но он скрыл недоумение и кивнул.

Женщина встала, чтобы отправиться за сотрудницей, и Гуров спросил:

– Я могу взглянуть на личное дело и медицинскую карту Песоцкой?

Директриса отрицательно помотала головой:

– Согласно правилам пансионата, это закрытая информация, к ней запрещен доступ без официального разрешения.

Но папку со стола Светлана Васильевна не убрала. Сыщику показалось, что она даже слегка подвинула пластиковый прямоугольник в его сторону. Этим он и воспользовался, как только женщина вышла из кабинета, и сделал фото каждой страницы. Придется повозиться, чтобы самостоятельно разобрать на фото специфические медицинские записи. В обычных условиях эксперт-криминалист справляется со сложными терминами и латинскими закорючками.

В дверь просунулась веснушчатая толстушка. Ее личико с мягкими щеками побледнело от волнения, в руках она держала вместительную сумку, искусно сшитую из квадратов кожи. Она шлепнула сумку на стол и в сердцах заявила:

– Вот, забирайте! Одни проблемы от этого подарка!

– Почему проблемы? Уже кто-то спрашивал вас о вещах Песоцкой?

– Да мужик прицепился на рынке, солидный такой, в костюме с искрой: продай да продай сумку, жене хочу подарок сделать! Я его послала, а пока домой шла, прям вот чуяла, что за

спиной кто-то крадется. А на следующий день, пока я на работе была, ко мне в дом залезли, только я сумку с собой взяла, поэтому ничего не пропало. Это точно был он! Следил, следил, да не уследил! Я ее складываю в другую сумку, в лаковую, и потом в магазине нагружаю. Она прочная, ручки крепкие. Раньше шить умели!

Она ловко сложила большое полотнище в небольшой квадратик и щелкнула кнопкой, действительно превратив большой квадрат в компактную подушечку.

– Потрясающе! – Лев обрадовался, что наконец-то ему попалась словоохотливая собеседница, в отличие от напряженной и закрытой директрисы. – Классный подарок. А как вы узнали, что к вам в дом залез именно тот мужчина?

Галя насмешливо фыркнула, веснушки полыхнули огнем.

– Я в частном доме живу, и наш Полкан чужого никогда не пустит. Выдрал этому в костюме половину штанины и возле будки сложил, я сразу эту ткань узнала, серую с искрой.

– Можно, я посмотрю? – вежливо спросил Лев и указал на сумку.

Веснушчатая женщина, поняв, что никто не собирается отнимать у нее собственность, заговорила охотно и живо, будто вода зажурчала в ручье:

– Я не люблю после покойников вещи брать, примета такая есть, хоть родственники часто предлагают на память. Старички же нам родные становятся, как детишки! Но Тинку-то я всю жизнь знаю, считай, почти родня. Мы с Ленкой в один класс ходили. Она мне часто истории про Тину рассказывала, какая та оторва была по молодости. Да и не только она, весь город про Песоцкую гудел. Она умела мужикам головы крутить, хоть и прожила всю жизнь одна. Толку от ее красоты и шика никакого, получается, не вышло – ни богатства не нажила, ни семьи. Жалко мне было Тину, хоть и не любила она жалости, считала себя самой лучшей. Но сумка эта – про нее, про Валентину. Кажется, такая милая, а внутри вон какая большая. Вот и душа у Валентины большая была, а она прятала все от людей. Даже Клару нашу терпела, хотя не любила, когда к ней приставали с расспросами.

– Мне Светлана Васильевна сказала, что Тина только с Кларой дружбу водила, больше ни с кем.

– Да какая там дружба! Клара, как пиявка, прицепится и таскается за кем-нибудь. С вопросами пристаёт – откуда, где дети, кем работал. Если находит свободные уши, про сыночка своего рассказывает без умолку. Старички поболтать любят, конечно, но не все, а Кларе вот всюду свой нос засунуть надо. Но старуху можно понять – никто к ней не приходит, вот она в чужие жизни и лезет. А гости старикам нужны. Ленка каждые выходные к Тине каталась, всегда ей домашнюю еду привозила, мне немножко приплачивала из благодарности. А мне не в тягость лишний раз постельное сменить или массаж сделать старухе, да и детей кормить надо.

– Интересно было бы взглянуть на эту Клару, наверняка у нее есть много интересных историй о Тине. Странно, что ваша начальница отказала мне во встрече с ней из-за ее пристурпов, – огорченно вздохнул Лев.

Галя осторожно оглянулась на дверь и понизила голос:

– Да директриса новенькая у нас, всего полгода на этом месте, трясется за него. А тут проверка из прокуратуры нагрянула, вот она и пугается каждого шороха. Я ведь знаю, кто вы такой – московский опер Гуров, помогаете Ленке с мужем отбиться от прокуратуры. Они совсем озверели, меня тоже туда приписали, следовательно выпрашивал, какие подарки мне одноклассница дарила и за что. Я сразу и не поняла, что почему, все по-честному рассказала. Это мне Ленка уже потом объяснила, что сейчас могут под меня копать, что я с ней в сговоре, Тинку на тот свет отправила. – Личико у толстушки побледнело, веснушки полыхали медными пятнами. – Ополоумели вконец. Я Ленку и всю ее родню знаю сто лет, больно надо травить старуху. И ведь было бы за что! Она же нищая была, Тинка, жила одна в своей развалюхе, пока Максим с Леной ее сюда не переправили. А когда она померла, все добро уместилось в три корбочки. Там и смотреть не на что – бусы из пластика дешевого, платья она сама украсила

стекляшками. Хотелось Тинке всегда красиво жить, да не вышло, вот она хоть блестяшками этими себе жизнь украшала. Так мне старуху жалко было с ее мишурой! – На глаза женщины навернулись слезы. – Ведь как за родную переживала! Так радовалась, когда диагноз у нее не подтвердился! Она вся, как елочка, светилась, что в Москве ее генерал покатал на служебной машине. Все повторяла, что он вылитый Гриша... А вы и правда похожи сильно на ихнюю породу. Как вы зашли, так я сразу поняла, что Тина про вас рассказывала.

У Льва немного зашумело в голове от быстрой речи медсестры, и он остановил женщину:

– Подождите, так вы знаете, кто такой Григорий и как он выглядел?

Галя смутилась и замолчала, но молчание длилось всего несколько секунд.

– Не хотела я про покойницу сплетни собирать, но раз уж надо, чтобы в этом деле разобраться, да и с языка прыгнуло... Ведь вы правда страсть как похожи на Тинино Григория... Она гуляла долгое время, а потом осела дома после смерти матери. Кто-то говорил, что повзрослела Тинка и за ум взялась, а кто-то рассказывал, что она с женатиком связалась – с Григорием Болотниковым. Он у нас большим начальником в администрации города был. Начальство свое через тестя получил, поэтому с Тинкой только любовь крутил, не мог жену бросить. Раньше ведь с этим строго было. Долго с ним Валентина маялась. Он уже и в мэрии высоко взлетел, бизнес свой открыл, но к ней так и не ушел, чтобы место хлебное не потерять. Но я не верю в сплетни эти, не было у Болотникова денег. Может, профукал по любовницам или пропил, кто его знает. Но как онкология его накрыла, кроме квартиры, ничего жене не осталось, хоть взяточник был он страшный. И видела я его сто раз на фотографиях в газетах – очень на вас похож, такое редко бывает. Я сначала подумала, что Тина к старости немного стала бредить, когда она про Гришу начала рассказывать, а сейчас вижу, что зря на покойницу грешила. Так что вы ей радость перед смертью подарили. Недаром она прилетела такая довольная. Уселась с Кларой чай пить, про Москву ей рассказывала.

Лев Иванович отвлекся на несколько секунд от звонкого словесного потока Галины на необычную сцену за окном, которую женщина не замечала, с головой уйдя в воспоминания о последних днях Валентины. Низенькая сухонькая старушка в седых кудряшках шла под руку с невысоким коренастым мужчиной в медицинской форме. Вдруг она выдернула руку и со всей силы ударила темным кулачком ему по плечу. Тот в ответ грубо сжал руку женщине, с силой притянул ее к себе и сказал что-то на ухо, так что старушка трепыхнулась, поникла и покорно побрела дальше рядом.

Галина очнулась от воспоминаний, проследила взгляд оперативника и кивнула:

– Это Клара с врачом нашим прогуливается. Терпеливый такой мужчина, слушает ее часами. А она из его кабинета не выходила бы совсем, рвется к нему всегда. Любит он стариков. Им же важно не только лечение, но и еще чтобы слушали про их болячки да про жизнь. Я приведу сейчас Клару к забору, и вы ее расспросите. Но только через сетку. У нас здесь строго, просто так с территории не выйти, персонал попадает на улицу через пропуск и по коду. Я Клару через полчаса приведу в дальний конец сада, минут пятнадцать сможете поговорить. Лишь бы это помогло выпутать Лену и меня из этой истории! Сейчас идите налево, в глубь сада до конца. Ждите там.

Галя вовремя объяснила дорогу – в кабинет заглянула директор и, как рентгеном, обшарила Гурова взглядом.

– Закончили? Нам надо работать. Сейчас процедуры у пациентов, а потом обед. Давайте я вас провожу.

Лев распрощался и направился к выходу.

Перед тем как нажать кнопки кодового замка, директриса сунула ему плотные глянцевые рекламные брошюры пансионата «Солнечная забота». Женщина почти силком впихнула ему несколько экземпляров:

– Вот, держите, прочитайте обязательно, вам точно пригодится.

В этот раз Лев Иванович не стал сдерживать эмоции и вопросительно поднял бровь: интересно, как ему может пригодиться рекламный буклет дома престарелых в чужом городе? Но яркие книжки он все равно взял, и женщина в строгом костюме и с непроницаемым лицом закрыла за ним калитку.

Гуров размеренным шагом зашагал вдоль ограды. Невысокие деревца вторили железным прутьям и образовывали второй слой забора, живой и лиственный. Он не стал ждать в непосредственной близости, скрылся на время за толстым деревом. Лучше выйти из укрытия, когда Галина приведет Клару.

Пышные кусты и необрезанные деревья совсем заполонили дальний закуток территории пансионата, так что ему не было видно ни здания, ни спортивной площадки. Лишь время от времени доносился голос Галины, которая выкрикивала фамилии пациентов, приглашая их на процедуры. Спустя время прозвучал призыв возвращаться в помещение и готовиться к обеду. Гуров прислушался, ему показалось, что раздались шаги. Но пружинистая земля поглощала все звуки, а утренний ветерок шуршал листьями.

Наконец послышался шепот Галины:

– Иди, иди! Он хочет поговорить с тобой про Тину!

Лев всмотрелся. Это была та самая сухонькая старушка, что ударила костлявым кулачком врача. На запястье женщины разлился черный след от грубого захвата мужчины в халате. Старушка с любопытством уставилась на оперативника за забором. Она была в просторном хлопковом платье и накинутом на плечи большом платке. Лев дружелюбно ей кивнул:

– Здравствуйте, Клара. Мы можем поговорить? Я слышал, вы очень многое знаете о постояльцах пансионата. Можете мне кое о ком рассказать?

Клара молчала. В живых глазах мелькнул испуг. Она втянула морщинистую шею и спрятала худенькие ладошки в карманы платья. Лев продолжил:

– Вы общались с Валентиной, с Тиной? Вы помните ее?

Женщина смотрела настороженно, но кивнула в ответ.

– Она дарила вам что-нибудь из своих вещей?

Старушка сгребла в горсть концы платка на груди.

– Платок подарила, а я ей – открыточка от сыночка моего. – Глаза у Клары затуманились, она замотала головой в такт своим словам. – Мой сынок. Он придет за мной, придет, заберет отсюда. Мы уедем вместе, подальше от него, и он больше не будет меня мучить. Я не буду работать, не хочу больше, хватит. Не могу работать, устала и хочу, как Тина, уехать в Москву.

Лев попытался вернуть старушку в реальность:

– Откуда у вас синяк на руке? Кто вас обидел?

Она очнулась, будто вынырнула из воды, ошарашенно дотронулась до запястья. По лицу вдруг потекли слезы, хрупкая фигурка задрожала, как листочек на ветру. Старушка стремительно бросилась к забору и прижалась к прутьям.

– Мне надо бежать, бежать! Помогите мне, помогите уйти отсюда! Я больше не хочу работать!

Глаза были полны страха. Лев Иванович в недоумении подошел ближе. Он не мог понять, что происходит: очередной приступ выпадения из реальности или пожилая женщина действительно чем-то очень напугана?

– Почему вы хотите отсюда уйти? Вас здесь кто-то обижает? – Он мягко коснулся руки женщины и ощутил сухую тонкую кожу.

Та закивала:

– Он заставляет меня работать, все время только работать и работать!

– Кто он, как его зовут?

На тропинке зашуршали шаги, кто-то пробирался через кусты, тяжело отдуваясь. Тоненькая Клара, как испуганный заяц, бросилась бежать в глубину сада. На тропинке показалась

раскрасневшаяся от бега Галина. Она махнула рукой, мол, пора уходить, и, увидев мелькание белого силуэта среди кустов, бросилась за беглянкой. Гуров подождал, когда две женщины появятся на дорожке. Галя поддерживала под локоть старушку и ласково ее уговаривала:

– Сейчас вкусный обед будет, с вашими любимыми голубцами. Никто вас не обидит. Ну же, не бойтесь, все в порядке! Вы же такая милая, кто вас может обижать?

Сыщик кивнул медсестре в знак благодарности за то, что она организовала встречу с Кларой, и пошел искать ближайшую остановку, чтобы вернуться обратно в гостиницу. Он быстро сориентировался, забежал в магазин, и когда жена проснулась, ее ждал сюрприз: букет роз и теплые хачапури.

После завтрака Маша вытащила из чемодана новый купальник и шляпу, которые тщательно подбирала в московских магазинах, готовясь к отпуску, – пришло время идти на пляж.

Они с Гуровым спустились по лестнице и в редкой толпе отдыхающих тотчас встретили недавнего знакомого, профессора Кальмана. Не заметить высокого крепкого старика, который изогнулся в мудреной асане на коврике для йоги, было невозможно. При виде семейной пары Гуровых, особенно Марии, профессор просиял и сразу же предложил им повторить совместный обед и прогулку, на что получил восторженное согласие.

До обеда Ефим Борисович показывал им простые асаны и рассказывал о своем путешествии в Индию, которое закончилось многолетним увлечением йогой. Мария под присмотром старика блистала чудесами гибкости, а Лев подолгу застывал в удобных положениях и размеренно дышал, отключаясь от посторонних звуков. Нирваны ему достичь не удалось, но мозг заработал чисто.

Он решил, что завтра же наведается в дом престарелых еще раз – уж больно странно ведут себя его обитатели. Директор нервничала и настойчиво пихала ему в руки рекламный буклет, а необычная старушка ругалась с врачом и умоляла о помощи. Сменив положение, Лев составил в голове список дел: побеседовать с врачом пансионата; посетить музей, чтобы изучить письма Валентины, которые Аня забрала из дома для выставки; отправить коллегам в Москву фотографии медицинской карты Песоцкой для консультации с экспертами-криминалистами, вдруг они найдут что-нибудь подозрительное. Во время третьей асаны Лев четко осознал, что надо организовать встречу с Савельевым. Мужчина очень хотел получить личные вещи Тины для якобы внутреннего расследования, но после нападения на Аню перестал выходить на связь, а ведь он должен был сегодня осмотреть вещи в присутствии родственников.

После йоги последовал долгий обед на открытой веранде за столом, уставленным дарами моря. Когда Мария ушла в дамскую комнату, профессор улучил минутку, чтобы поговорить с задумчивым собеседником с глазу на глаз.

– Лев Иванович, о чем вы тревожитесь? Весь день молчком, поделитесь тяжкими думами! Согласно психотерапевтическим учениям, любая беда становится легче после вербализации. Не держите в себе, расскажите.

Лев с интересом взглянул на собеседника – как тонко он улавливает настроение других людей. И вдруг ему пришла в голову шальная мысль, что профессор может помочь ему разобраться в медицинской карте Песоцкой и сэкономить усилия.

– Вы знаете, нужен профессиональный взгляд на одну историю врачебного наблюдения за пожилым человеком. Если бы вы смогли взглянуть, было бы отлично.

– Вы так долго решались попросить об этой услуге? – рассмеялся Кальман и вытянул из нагрудного кармана льняной рубашки очки. – Давайте разберемся с вашей историей. Знаете, раньше, до выхода на пенсию, при знакомстве я скрывал, что являюсь представителем такой почетной отрасли, как медицина. Сейчас же я рад каждому случаю вспомнить практику!

Лев протянул ему телефон с фотографиями, и Ефим Борисович погрузился в изучение.

Вернулась Мария и с недоумением покосилась на мужчин. Галантный профессор прекратил чтение и предложил уже становившуюся традицией прогулку по набережной. Возле причала они с Машей в унисон вздохнули.

– Еще мальчишкой мечтал о морских приключениях, – признался Ефим Борисович. – Представляете, даже одно время готовился для поступления в Нахимовское училище. С тех пор корабли во всех вариантах меня завораживают.

Мария чуть не захлопала в ладоши от радости:

– Ефим Борисович, умоляю, будьте моим спутником в морском путешествии! Вы столько всего знаете интересного!

– Если ваш супруг не возражает, буду счастлив быть кавалером такой красавицы.

Восхищение молодой женщины явно льстило пожилому мужчине, от эмоций он перешел на витиеватый слог.

– Не возражает. – Мария рассмеялась и чмокнула пергаментную щеку. – Во-первых, мой любимый муж при мысли о морской качке бледнеет и зеленеет, а во-вторых, его волнует новое расследование, а не морские приключения. Даже не скрывайте, что ему и вас удалось вовлечь в свои поиски очередного преступника! – Она лукаво подмигнула Льву и легко пошла по деревянному настилу в сторону гостиницы. – Пойдемте к нам, у нас есть уютная скамейка в тени. Я приготовлю кофе и принесу рекламные проспекты – выберем с вами самый лучший круиз!

В гостинице женщина удалилась на летнюю кухню, а профессор с Львом уединились на скамье под большим деревом. Ефим Борисович повторно пробежался глазами по снимкам в телефоне.

– Ничего критичного я не увидел. Обычные старческие болячки. Проблемы с суставами в таком возрасте нормальны, самые важные органы – пищеварение, сердце, почки – работают как часы. Даже не понимаю, для чего врач выписывал сильные болеутоляющие и снотворное. Никаких жалоб от пациентки или медицинских поводов не должно быть для обоснованного использования таких препаратов.

– Можете поподробнее объяснить? Понимаете, эта женщина, Валентина Митрофановна, незадолго до смерти проходила полное обследование в столице, и врачи исключили заболевания мозга. Родственники обеспокоились, что женщина в последнее время ведет себя странно. По всем показателям она была здорова и могла прожить еще много лет, но внезапно умерла. При вскрытии констатировали естественную остановку сердца. Мне необходимо понять, что же произошло.

Лев замер, с вниманием ожидая ответа Кальмана. Тот задумчиво постучал пальцами по плашкам скамейки.

– Я не патологоанатом, а как врач не вижу причин для назначения седативных препаратов. Инсомния, то есть бессонница, всегда является следствием чего-либо. Здесь же, в анамнезе, то есть в истории предыдущих заболеваний, нет никаких предпосылок для возникновения бессонницы и назначения лекарств от нее. Никаких болезней внутренних органов или неврологического характера нет, жалоб пациентки на проблемы со сном не зафиксировано, как и препаратов, которые вызывают инсомнию. – Кустистые седые брови профессора сдвинулись. – Не хотелось бы вас расстраивать, Лев Иванович, но в таком возрасте остановка сердца даже при небольшом превышении дозы препарата для регуляции сна будет выглядеть как вполне естественная причина летального исхода. Женщине назначили такой препарат. Снижение массы тела, назначение других лекарств, физические нагрузки и, как следствие, нарушения работы сердца, плюс еще десятки факторов вкуче с некорректным медикаментозным лечением могли спровоцировать угнетение дыхательной системы, а затем и смерть.

– Ефим Борисович, я совсем не медик, поэтому и обратился к вам. Я правильно вас понял, что в медицинской карте у Песоцкой есть назначенные врачом лекарства от бессонницы, от которых у нее могло остановиться сердце во сне, если дозировка была превышена?

– Совершенно верно, вы зря принижаете свои познания в медицине, – кивнул профессор. На дорожке показалась Мария с небольшим подносом. В миниатюрных чашках плавали островки мороженого, плаваясь в горячем кофе. Мужчины разобрали напитки, в прохладной тени раскидистого дерева яркий вкус пришелся как раз вовремя. Гуров обдумывал новую информацию, а его собеседник в третий раз просматривал фото, пытаясь найти что-нибудь подозрительное.

– Знаете, я мысленно представляю картину применения лекарства от бессонницы и хочу сказать, что оно явно пошло не на пользу пациентке. После начала курса у нее зафиксировано понижение артериального давления на постоянной основе, каждый день персонал вносил в карточку результаты измерения. Не знаю, стало ли назначение препарата причиной смерти, но оно как минимум ухудшило самочувствие. При таких показателях неудивительно, что у женщины случались периоды путаности сознания. В данном случае лечение приносило больше вреда, чем пользы.

– При вскрытии можно определить превышение дозы или заподозрить, что женщина получала ненужное лекарство?

Лев хотел разобраться с каждой деталью, чтобы наконец уже можно было выстроить версию событий.

На лице Кальмана отразилось сомнение.

– Если я правильно мыслю, эксперту для начала необходимо разобраться в медицинской карте и отследить клиническую картину негативного воздействия препарата, затем взять образец тканей внутренних органов для химико-фармакологического анализа и установить, что содержание лекарства в организме выше назначенной дозировки. Тогда можно говорить либо об ошибке врача и системном негативном воздействии препарата на организм с летальным исходом в результате, либо о разовой неправильной инъекции, когда превышение дозировки, опять же, привело к смерти. Здесь только лабораторные анализы и повторное исследование останков могут установить, что же явилось причиной.

Гурову опять пришлось переложить научные размышления в более простой вариант, чтобы удостовериться, правильно ли он понял своего собеседника:

– То есть она могла умереть от того, что препарат ухудшил ее здоровье, а могла умереть от одного укола с ошибочной дозировкой?

Профессор кивнул и философски отметил:

– Человеческий организм – тонкий, ювелирно созданный Господом Богом механизм. То, что одному причиняет минимальный вред, другого сведет в могилу. Без лабораторных анализов все мои рассуждения остаются лишь рассуждениями.

Объяснения старого профессора помогли сыщику разобраться в медицинской карте Тины, но что делать теперь с этими сведениями? Если обращаться в прокуратуру, придется Кальману снова подтверждать свое заключение, уже официально. Что же делать, как заставить прокуратуру не просто формально провести повторное расследование, но и сделать конкретное лабораторное исследование и установить, кто виновен в смерти Песоцкой? Это и снимет подозрение с четы Жуковых, и направит следствие в другое направление.

И тут же Гурова обожгла мысль: а что, если эксперт-криминалист подтвердит ошибку медсестры, которая ввела старухе лекарства больше, чем положено, и окажется, что это не случайность? Лена Жукова, с ее железным характером, так тщательно спрятанном в милой домашней оболочке, могла попросить свою одноклассницу помочь с крепкой здоровьем родственницей. Чуть больше лекарства в шприце – и семья Жуковых сможет наконец-то осуществить давние планы от рождения второго ребенка до учебы дочери в столице. Но в таком случае кто и что так настойчиво ищет в вещах покойницы и чего боится странная старушка, которая была подругой Тины в пансионате?

На тропинке показалась Мария и поманила мужа пальцем:

– Лев, я разбирала рекламу, и там оказались твои бумаги и записка. Мне кажется, тебе стоит на нее взглянуть. Я не стала трогать, она лежит в комнате на столе.

Гуров кивнул и направился в номер, а Маша с кучей ярких проспектов в руках поспешила к своему гостю, чтобы выбрать запланированное путешествие.

В номере было минимум мебели: большая кровать, шкаф, длинный стол, вытянутый наподобие барной стойки, и пара кресел. На столе лежали буклеты, которые сегодня Льву вручила директриса пансионата. Рядом с буклетами лежал вырванный из тетради лист с короткой фразой: «Сегодня в 8 вечера у старой пристани на пляже». Сыщик бросил взгляд на часы – начало восьмого. А старая пристань расположена на противоположном конце пляжа, примерно в часе ходьбы.

Лев вернулся к уютному уголку под деревом, где Мария с Ефимом Борисовичем бурно обсуждали варианты морской экскурсии. На его предложение прогуляться они отмахнулись, заявив, что прервать столь важное занятие никак не могут. Он предупредил, что будет на пляже, и заспешил вниз по лестнице.

На берегу в это время отдыхающих почти не было, весь поток переместился поближе к центру, где есть кафе и забегаловки с уличной едой. Лишь бродили редкие парочки, да уборщики ловко нанизывали мусор на острые палки. Один из них объяснил дорогу к старой пристани, и Лев ускорил шаг по деревянным настилам. Он торопился, всматриваясь в накрывающую пляж темноту. Показались облезлые ржавые сваи пристани, которая давно перестала служить для швартовки кораблей и потихоньку разрушалась под ежедневным натиском волн. Сыщик постоял несколько секунд возле низенькой ограды, преграждающей путь к открытой площадке. Деревянный настил здесь давно сгнил, обнажив металлический остов конструкции, и местные власти обнесли от любителей экстрима всю территорию небольшим заборчиком и предупреждающими табличками. Вокруг не было ни души, а скромный свет далеких кафе не дотягивался до песчаной полосы.

– Я уже думала, вы не придете.

Голос раздался откуда-то сбоку. Из черноты железных опор выступила полная фигура со знакомой пышной шапкой рыжих кудрей на голове. Женщина с тревогой всматривалась в темноту, но вдруг схватила Льва за руку и лихорадочно зашептала:

– Я не могла с вами поговорить в кабинете, поскольку нас могли подслушать. К нам уже приходили из прокуратуры, и я им не стала говорить. Это глупо, а я не хочу проблем на новом месте. Но вам я должна, просто обязана рассказать – вы же сыщик из Москвы, тот самый знаменитый Гуров, мне подруга про вас рассказывала. Поэтому я вам сунула записку в буклет. На территории пансионата невозможно это обсудить, а мне есть что рассказать. Хотя это выглядит очень странно, я так хотела бы, чтобы это оказалось всего лишь совпадением, но не могу оставить все вот так, я ведь должна заботиться о своих пациентах.

Лев сдержанно промолчал, давая женщине возможность выговориться. Та же, дрожа, словно от лихорадки, оглядывалась, продолжая быстро выкладывать ему причину их встречи:

– Я чуть больше полугода назад перешла в этот пансионат. Раньше жила и работала в Сибири, но мама тяжело заболела. Врачи сказали, ей нужен морской воздух, мягкий климат. Я перевелась сюда, сначала в Краснодар инструктором по ЛФК в таком же пансионате, потом меня повысили, но перед повышением я стажировалась у директора в Ростове-на-Дону. И везде я встречала ее! Клару! Первый раз я встретила пожилую женщину в Краснодаре, а потом снова столкнулась с ней через год в Ростове-на-Дону. Тогда я решила, что это совпадение, простая случайность, но, когда перевелась сюда и приняла дела, пришла в ужас!

– Есть ведь вероятность, что родственники Клары просто переезжают по работе и переводят ее из одного пансионата в другой, – предположил Лев Иванович.

– Я проверила, все проверила! – Женщина вытащила из сумочки небольшую папку и сунула ее в руки оперативнику. – Ни в одном договоре не упоминаются родственники или

близкие, договор с пансионатом заключен от ее имени, оплату она тоже привозила сама сразу на полгода вперед и нигде не прожила этот срок, просто исчезала, и все, оставляя расписку о добровольном отказе от проживания.

– А как же ваше руководство? Они никак не реагируют на такую странную постоянщицу и ее регулярные исчезновения?

– Владельцы сети не в курсе. – Рыжие пружинки снова затрепетали от волнения. – Каждый пансионат – это отдельная юридическая организация, мы присылаем владельцам лишь таблички с финансовыми показателями, а все документы на пациентов хранятся у директоров. Я веду дела пансионата по доверенности. Нет единой базы с фамилиями и договорами пациентов, поэтому никто не обращает внимания на странную старушку. Проблем она не приносит, вносит оплату исправно – о чем беспокоиться?

– Но вас же отчего-то беспокоит ее присутствие. Что вас смущает?

Директриса кивнула на папку в руках Гурова:

– Я собрала все документы из всех пансионатов. – Она вдруг зажала рот рукой, по щекам потекли слезы. – Я сама не верю, не верю, но все так складывается! Клара... Там, где она появляется, умирают люди. По пять-шесть смертей за полгода – это слишком много! Простите... – Женщина вытерла глаза, глубоко вздохнула и решительно пояснила свою бессвязную речь: – В папке лежат договоры, которые заключали с Кларой пансионаты, и отчеты о смертях пациентов за год из трех заведений. У нас нет общей базы, и мне пришлось запрашивать данные в каждом доме престарелых по отдельности. Надеюсь, это вам поможет. Я не могу молчать, это же люди, мои подопечные! В прокуратуру с этими бумагами я не могу пойти. Боюсь, что, кроме насмешки, мои подозрения ничего не вызовут, а если их и воспримут серьезно, то после такого заявления меня быстро уберут с места директора. Я уже несколько месяцев не знаю, что с этим делать! А тут появились вы с расспросами о Тине и заинтересовались их дружбой с Кларой, и я решила обратиться к вам за помощью. Понимаю, что у вас свои интересы, но вдруг вы поймете, что не так. Ведь всем умершим проводили вскрытие, и никаких вопросов не возникло. Если необходимо, я организую вам встречу с Кларой. Но только не в пансионате, умоляю! Не хочу, чтобы мои подозрения получили огласку и меня уволили! Я буду счастлива, если вы мне скажете, что это просто совпадение и я всего лишь схожу с ума!

– Я хочу встретиться с Кларой, в любом месте, где вы решите, – кивнул Лев Иванович. – И мне также надо переговорить с вашим штатным врачом.

Еле слышно директриса прошептала согласие и заторопилась в сторону жилых домов, подальше от моря. Лев тоже медленно пошел вдоль воды, потом снял туфли и понес их в руках. Волны равномерно набегали и откатывались, в такт им ритмично выстраивались его мысли.

Если Валентина стала жертвой умышленного убийства и есть другие пострадавшие, что же тогда ищет сотрудник страховой в наследстве Тины? Или, может быть, он не имеет отношения к смерти стариков, но, как и директриса, полон подозрений и ведет свое личное расследование этой истории?

В размышлениях он незаметно прошагал путь обратно. В темноте поднялся по лестнице, прошел по двору и открыл дверь в номер. Содержимое чемоданов было разложено по креслам – жена готовила наряд для завтрашней поездки. Устав после долгого дня, Мария не дождалась его возвращения и сладко уснула. Как часто дома в Москве он так же приходил после долгого рабочего дня, а то и нескольких суток, и с нежностью любовался на нее, сожалея и давая себе клятву больше не погружаться в работу с головой. Вот и сегодня Лев пообещал себе, что завтра закончит расследование этой истории, пока Мария будет наслаждаться морским путешествием в компании профессора. Пожилой мужчина в восторге от компании молодой прелестной женщины, а Маша с огромным интересом слушает его невероятные истории. С таким спутником жене будет гораздо интереснее, чем на пляже рядом с погруженным в свои мысли мужем.

Завтра с самого утра он начнет расследование. Если оно никуда не приведет, больше попыток он не станет предпринимать. В конце концов, он приехал отдыхать, а не разбираться с кучей загадок обитателей пансионата для пожилых людей.

Глава 4

Утром Лев проснулся из-за шумных сборов жены. Та в отчаянии раскладывала по всей комнате наряды. Ни одно из двенадцати платьев не подходило для морского круиза, а ведь еще надо выбрать к нему сумочку, шляпу и обувь! На комплимент мужа, что она прекрасна в любом наряде, Мария лишь закатила глаза, поэтому Гуров побыстрее ушел на летнюю кухню, чтобы не участвовать в муках выбора. Там он сварил крепкий кофе и проверил список людей, с которыми предстояло сегодня побеседовать.

К моменту, когда Лев приготовился выходить, жена наконец-то выбрала дуэт из блузки и юбки в бело-синюю полоску и шелковую косынку, защищающую голову от горячего южного солнца. Они вызвали такси и за пять минут до отправления корабля прибыли на многолюдную пристань, где в пестрой толпе приветливо махал им рукой старый профессор.

Он похлопал по смешной плетеной корзинке:

– Я захватил нам круассаны из пекарни и фрукты! Свежий воздух так будоражит аппетит!

– Ой! – спохватилась Мария. – А я совсем забыла о еде, даже воду не взяла...

Профессор только отмахнулся. Он предусмотрительно захватил с собой все, вплоть до мини-аптечки.

Взбурдаженные туристы поднимались на корабль, предъявляли билеты. Некоторые махали провожающим с палубы под звуки громкой веселой музыки. Мария вспорхнула по трапу, послала Льву воздушный поцелуй, корабль вздрогнул, стал отдаляться и вскоре превратился в точку на горизонте. Задерживаться на пляже сыщик не стал, он торопился выполнить намеченный на сегодня план.

Перед визитом в дом престарелых, который был номером один в его списке, Лев заехал в гостиницу, чтобы попросить Елену об одолжении – забрать из музея переписку Песочкой. У него была надежда, что там найдутся ключи к разгадке поведения странных постояльцев частного пансионата. Просьбу не получилось даже озвучить – женщина с напряженным видом укладывала чемодан в багажник машины.

– Доброе утро! Куда-то уезжаете?

Лев ничем не выдал удивление, что хозяйка так быстро собирается с горой чемоданов, когда ее дочка лежит в больнице. Лена нахмурилась, неопределенно качнула головой и продолжила терзать поклажу, которая никак не хотела уместиться. Мужчина одним движением сдвинул стопку и рядом устроил самый большой чемодан, так что багажник оказался заполненным под завязку.

– Лен, что случилось, почему такой стремительный отъезд? – не удержался Гуров.

В ответ женщина лишь сурово тряхнула копной волос, которые сегодня были собраны в тугий пучок, и тихонько буркнула:

– Так надо.

– Можно попросить вас кое о чем? Необходимо позвонить в музей, где Аня проходит стажировку. Я хотел бы забрать письма Тины, вдруг там есть то, что ищет нападавший.

Лена вдруг вздрогнула, сжала руки в кулачки и сквозь наворачивающиеся слезы прошептала:

– Не надо ничего, прошу вас! Не надо, это плохо кончится! Мы напишем отказную! Это проклятое наследство! Нам ничего не надо! Гостиницу, землю пускай забирает кто хочет! Разберемся с долгами, не привыкать! Ничего хорошего это наследство не принесет! Прошу вас, больше не копайтесь в этом, иначе и вас настигнет это проклятие!

Женщина запахнула джемпер, несмотря на потеплевший от солнца воздух, и решительно направилась к пассажирскому сиденью.

Из калитки вынырнул такой же хмурый Максим с большой сумкой в руках.

– Леночка, Анюткины вещи куда, в багажник или на заднее сиденье?

– На заднее, багажник забит. Поторопись, не хочу в пробке стоять. – Голос у женщины теперь был сух и спокоен.

Максим одними губами произнес:

– Подругу Ленину убили сегодня ночью. Галю. Ту, которая за Тиной ухаживала в пансионате. В поселок увожу Лену и дочку. Боимся, что наследство несчастье приносит. Вот такие дела!

От неожиданной новости опер застыл посреди дороги, наблюдая, как старенький автомобиль уносит перепуганных хозяев гостиницы.

Отойдя от шока, он позвонил в пансионат и спросил директрису. Но напряженный голос на том конце сообщил, что на рабочем месте ее нет. И вообще, сегодня в заведении санитарный день, посещение возможно лишь на особых условиях. Подробности Лев Иванович уточнять не стал, а вместо этого вызвал такси, решив все узнать на месте.

Автомобиль, ловко ныряя по улицам, принес его в другой район, практически к входу в пансионат. На звонок в ворота из здания вышел пожилой мужчина, приземистый и неторопливый, и медленно пошел по дорожке к посетителю. Лев всмотрелся в его расхлябанную походку, когда ноги не успевают за большими размашистыми руками, и узнал в нем врача, которого сухонькая Клара лупила кулачком. Сейчас он был без халата, под легким летним одеянием угадывался солидный животик, на голове светился ореол из редких седых волос. Из-за кряжистой фигуры он напоминал медведя, а глубоко посаженные глаза под кустистыми бровями с проседью добавляли ему сходства с этим зверем. Врач обнажил в натянутой улыбке редкие зубы:

– Добрый день! Чем могу помочь? Вы с визитом?

Лев Иванович показал всемогущую корочку, но мужчина и не подумал открывать ворота. Он равнодушно выдал:

– У вас есть ордер на посещение?

Оперативник спокойно объяснил:

– Ордера нет, я приехал всего лишь для обычной беседы с директором. Откройте, пожалуйста.

– Звоните в прокуратуру или в наш центральный офис, у нас закрытый режим, посторонних не пускаем, – отрезал врач.

Лев увидел, как ему машет старичок, который во время прошлого визита костерил покойную Тину. Он постарался ничем не выдать пойманный сигнал «идти в дальний угол». Оперативник вежливо попрощался с врачом и под его пристальным взглядом направился вдоль ограды по уже знакомому маршруту – прошел мимо зеленой ограды и замер у тенистого угла. Буквально вчера он разговаривал здесь с хрупкой Кларой, а сегодня ему даже не удалось проникнуть на территорию пансионата.

По тяжелому дыханию в кустах он понял, что старичок с усердием бежит по дорожке. Запыхавшийся седой нарушитель дисциплины пробрался через густые кусты и с ходу выпалил:

– Это Кларка медсестру убила! Я давно всем говорил, что она сумасшедшая! Ходила везде и вынюхивала! Она ножом полоснула медсестру прямо по горлу, стащила электронный ключ и сбежала! Я подслушал все, когда полиция разговаривала с директором!

– Какую медсестру? Галину? – Лев прильнул к решетке.

– Да! – Старик торжествовал, что ему удалось узнать тайну и впечатлить незнакомца. – Я давно говорил, давно! Предупреждал директрису, что Клара похуже Тины будет! Тинка хоть и высокомерная дрянь, но просто гуляющая, а у Клары даже сын – преступник! Яблочко от яблони! Она сама мне рассказывала, что ее сынок пришел человека, промышлял грабежами и умер в тюрьме. Она все продала, даже квартиру, чтобы заплатить адвокатам, а он все равно в тюрьме оказался. Теперь и она там окажется! Идиотки эти набрали сумасшедших и развратниц в пансионат – не с кем отношения завести! – пожаловался старичок. – Я попрошу директрису,

когда она из прокуратуры вернется, чтобы брала нормальных женщин. А не этих... – Седой донжуан выразительно сплюнул себе под ноги.

– А вы знаете фамилию Клары? Может, к ней приходили родственники? Она жила раньше в вашем городе? Что она еще рассказывала?

Сыщик завалил вопросами своего нечаянного свидетеля, но тот неожиданно пискнул и опрометью бросился вдоль забора, с хрустом ломая кусты. В нескольких метрах взревел женский голос, и послышался тяжелый топот.

– Стой! Куда ты собрался?! Взбесились вы, что ли, все?! Убегать вздумали! – Кто-то из персонала, очевидно, недосчитался постояльца и бросился в погоню, что неудивительно при таком жутком происшествии.

Лев осмотрел ограду. В принципе ее довольно легко преодолеть. Препятствие больше номинальное и рассчитано на немощных стариков. Можно, конечно, в два счета преодолеть невысокий забор, но директора нет на месте, а врач отказывается от общения, так что хулиганская выходка закончится, скорее всего, вызовом полиции, а не получением новой информации. Свой личный номер Светлана Васильевна не оставила. Гуров рассчитывал на визит в «Солнечную заботу» без всяких препятствий, но его не пустили даже на порог. Клара, с которой надеялся пообщаться сыщик, вероятно, арестована, помещена в психушку или находится в розыске. Что делать дальше, если все идет не по плану?

Лев Иванович вспомнил о дружелюбном новичке из прокуратуры и решил навеститься к нему. ГИБДД, прокуратура, уголовный розыск и следственный комитет хоть и являются разными структурными отделами, но для полковника никогда не составляло труда найти общий язык с любым представителем любого подразделения. По негласному правилу при виде служебной корочки ему шли навстречу и выдавали всякую информацию, понимая, что не из праздного любопытства задает вопросы старший оперуполномоченный по особо важным делам. И хотя он в отпуске, профессиональная поддержка очень кстати, когда речь идет о цепочке событий, которые становятся все страшнее.

Услышав адрес прокуратуры, водитель такси долго кряхтел и настраивался, но все же не выдержал и задал мучающий его вопрос:

– Вы работаете там, да? А правда то, что люди говорят про чокнутую из больницы? Мне кум рассказал, да уже и весь город гудит, что сумасшедшая старуха прирезала медсестру, а потом сама бросилась под поезд. Хорошо хоть, никого больше не тронула. Это ведь что делается! Вот мозги у старухи завернуло, что она начала людей кромсать! А если бы ей кто по дороге попался? У нее же ножище огромный с собой! Точно она под поезд кинулась, бабка эта? А то скрываете, поди, от народа правду, чтобы панику не разводили, и бродит психичка с ножом по улицам...

Гуров с любопытством уточнил:

– Это точно она? Уверены, что старуха убила медсестру?

Водитель бросил наблюдательный взгляд в зеркало заднего вида:

– У вас загар не как у местного. И говор московский. Вы из столицы, да? Поди, прокурора нашего приехали прижать? Давно пора, развел тут, понимаешь, свою власть. Ихняя семья на верхушке сидит уже все мои пятьдесят лет. Сперва папашка в партии рулил, у мэра в работниках числился, а теперь вот сыночка пристроил. Если перейдешь им дорогу, сразу, как в болото, засосет. Люди пропадают, а он взятки берет, не скрываясь. В этом городе не по-ихнему не жить, проще уехать. Поражаюсь, когда уже в Москве на него управу найдут!

Лев Иванович внимательно слушал и поддакивал, хотя его совсем не интересовала история города, тем более в формате сплетен и слухов. Но даже если убрать выдуманные обывателями подробности, получается, что Галина была убита, Клара покончила с собой и убийство медсестры приписывают ей на почве помешательства. Вот коллеги и расскажут подробности печальной истории. Тем более Клара связана и с другими смертями, по мнению директрисы.

В городской прокуратуре при виде Гурова молодой лейтенант на вахте приветственно вскочил, протянул руку к разблокировке вертушки и вдруг осекся на полуслове и замедлился, не сводя с Гурова удивленных глаз.

– Здравствуйте, а вы к кому?

Лев предъявил служебное удостоверение.

– Доброе утро. Я хотел бы поговорить с оперативником из следственной бригады, который занимается убийством медсестры в доме престарелых. У меня есть важная информация.

– Подождите, я свяжусь с ним.

Дежурный исчез в будочке. Через пластиковую перегородку было видно, что он звонит по телефону.

Потянулись долгие минуты томительного ожидания. Лев присел на скромную скамейку для посетителей, размышляя, стоит ли отдавать следователю папку, которую вручила ему директриса. Ведь для следствия информация о том, что Клара перемещалась из одного пансионата в другой, причем довольно странным образом, может оказаться важной. Оперативник недоумевал, почему сотрудники до сих пор с ним не связались, тем более что директор пансионата сейчас как раз в прокуратуре.

– Вы ко мне?

Из размышлений его вырвал глухой голос. В проходной замер мужчина средних лет с пышными усами и в хорошо подогнанной форме. Лицо его ничего не выражало, серые глаза застыли, словно замороженные.

– Добрый день. Полковник полиции Гуров Лев Иванович. Я хотел бы с вами переговорить по поводу убийства медсестры в доме престарелых. Я хочу задать пару вопросов, и у меня есть кое-какая информация о Кларе, подозреваемой.

Он не успел договорить – мужчина прервал его и равнодушно отрезал:

– Мы не даем никаких сведений. Расследование закончено.

– Подождите, давайте поговорим. У меня есть информация о подозреваемой.

Лев Иванович продолжил миролюбиво, хотя внутри у него вскипело раздражение от безразличия этого кабинетного работника. Но тот снова бесцеремонно оборвал полковника:

– Какая еще информация? Что старуха жила в нескольких пансионатах? Директор уже поделилась с нами своей параноидальной идеей, будет отправлена на обследование к психиатру, а то скоро расскажет про заговор инопланетян против дома престарелых. Расследование закончено, я повторяю. Сами разобрались, без помощи великих московских сыщиков. А вы, товарищ полковник, отдыхайте и наслаждайтесь отпуском. Поезжайте на экскурсию в Розу Хутор или олимпийский парк. А вмешиваться в нашу работу не стоит. Мы ее знаем и делаем прекрасно. До свидания.

Не дожидаясь ответа, прокурорский работник развернулся и зашагал обратно по коридору, а Лев Иванович, оторопев на несколько секунд от такого жесткого приема, застыл в холле. Мимо на обед спешили сотрудники ведомства, все реагировали одинаково при виде полковника – сначала воодушевленно здоровались, а потом останавливались или, наоборот, ускоряли шаг с удивлением на лице. Он отметил эту странность, но задуматься над необычной реакцией прокурорских работников было некогда – внутри все бурлило от возмущения, что его, оперативного работника, опытного сыщика, попросту послали в ответ на предложение о помощи.

На крыльце он сощурился от яркого солнца и побыстрее надел солнцезащитные очки. Мужчина, поднимавшийся по ступенькам, протянул ему руку:

– Добрый день, Андрей Григорьевич.

Охнув от удивления, когда Гуров повернулся к нему, мужчина отступил назад:

– Извините, обознался...

Сыщик кивнул в ответ, спустился по ступенькам и решил пройтись, чтобы немного успокоиться после неприятного разговора.

Судя по карте, недалеко располагался музей, где подрабатывала Аня и куда отнесла письма своей покойной родственницы. Лев не оставлял идеи добыть личную переписку Валентины, надеясь найти в ней ключи к окружившим его загадкам. Хотя настроение у него было совсем печальное – уже в двух местах он получил холодный отпор, к которому совсем не привык в своей профессиональной деятельности. Обычно появление служебного удостоверения развязывает языки, но в этом городе оно действует наоборот – вызывает молчание.

Шагая по асфальту, от которого несло потоком горячего воздуха под палящим солнцем южного города, Лев раз за разом пытался соединить отдельные события: смерть Песоцкой, нападение на Аню Жукову, папку с бумагами о перемещениях Клары, смерть медсестры Галины и постоялицы пансионата для пожилых, хрупкой Клары. Но этот пазл распадался на отдельные элементы, так что Льва Ивановича одолели сомнения: может быть, прав прокурорский сотрудник и между этими событиями нет никакой связи? Действительно, лучше бы он ездил с женой на экскурсии и отдыхал. Зачем портить отпуск расследованиями.

В таком скомканном настроении он оказался у входа в музей. На вопросы о руководителе практикантки Ани Жуковой экскурсовод махнула рукой куда-то в глубину скромного темного коридора. За одной из потертых дверей Гуров обнаружил дородную даму в бежевом летнем платье. Строгая оправка очков отражала лучи солнца, поступающие из распахнутого по случаю жары окна.

На просьбу отдать письма, которые Аня принесла для выставки, работница музея заупрямилась и потребовала личное распоряжение родителей девочки.

– Я понимаю, что для вас это пустяк, но Анечка так долго собирала все экземпляры лично, она так увлечена организацией выставки! А вы хотите уничтожить ее усилия! Простите, но без звонка от Елены Жуковой я ничего вам не отдам. Не понимаю, почему вам так трудно набрать номер Аниной матери.

Женщина воткнула в Льва Ивановича полный подозрения взгляд. Она явно не доверяла этому чужаку, который вдруг заявился в музей с неожиданной просьбой отдать ему собранный силами ребенка материал для выставки. Гуров внутри зашелся новым приступом негодования. Это уже третье место, где ему отказывают в помощи, несмотря даже на то, что он решил не использовать служебное удостоверение. Он бы с радостью решил вопрос одним-единственным звонком, но Лена с дочерью сейчас едет в сторону глухого поселка и больше слышать ничего не хочет о наследстве старухи.

Возмущение достигло крайней точки, и он поспешил на улицу, где спрятался от палящих лучей в жидком теньке кустарника. Солнце жарило во всю силу, улицы почти опустели. Гости города сейчас проводили время либо на пляже, либо в номере. Оперативник же стоял в ступоре. Что за несчастливый день! Будто черная кошка дорогу перебежала. От жары и неудач внутри все бурлило.

Опечаленный Гуров зашел в ближайший магазинчик, где с удовольствием охладился под потоком из кондиционера. Ледяной лимонад вкупе с прохладным воздухом освежили голову и привели мысли в порядок.

Опытный опер так просто не откажется от своей затеи. Придется нарушить закон, раз в этом городе он не на стороне сыщика и волшебное удостоверение полковника не работает.

Он прошелся вдоль здания в поисках открытого окна музейной сотрудницы. Его легко было найти, так как окна служебных помещений отличались маленькими размерами и толстым слоем пыли. Еще несколько окон были открыты, но нужное он опознал по зеленым жалюзи. Пригнувшись, он прокрался, чтобы его нельзя было заметить изнутри, и замер под карнизом, вслушиваясь в негромкие звуки стучания по клавиатуре. Минуты тянулись медленно, ноги начали ныть от напряжения, когда раздался высокий девичий голос:

– Анна Афанасьевна, мы вас ждем, все готово!

– Ох, Настюша, в такую жару чаю совсем не хочется...

– Тогда просто с нами посидите, съешьте кусочек тортика, поболтайте. Я все-таки на полтора года уйду в декрет! С малышом уже так не посидим!

– И то правда. Я уже и забыла, как трудно с детками. Конечно, идем, – согласилась сотрудница.

Зашумел отодвигаемый стул, послышались шаги крупного тела и щелчок замка. Лев отсчитал три минуты – вдруг хозяйка кабинета вернется, чтобы забрать забытую вещь. Потом сыщик подтянулся на руках, перекинул ноги, а потом и все тело через подоконник и оказался внутри кабинета. Это действие заняло у него буквально пару минут.

В узком кабинете каждая полка стеллажа была пронумерована и подписана, поэтому в коробке с надписью «АНЯ» он легко нашел пухлый конверт, подписанный крупными буквами «ВАЛЕНТИНА», сунул его за пазуху и вернулся на улицу тем же путем – прыжком через подоконник.

Оказавшись на улице, он мысленно пообещал, что после вскрытия всех тайн обязательно вернет корреспонденцию и принесет извинения за противозаконный поступок. Но сейчас поступить по-другому он не мог, слишком многое зависело от этих писем – и благополучное будущее семьи Жуковых, и справедливое расследование смерти Галины и Клары, и его репутация опера. С пачкой писем за пазухой Гуров спокойно прошагал по улице, забежал в киоск с газетами, купил яркий пакет и сложил туда свой драгоценный груз.

Оставался последний пункт в его длинном списке – встреча с сотрудником страховой, к которому у оперативника так и осталась масса вопросов. Но задавать их теперь он будет не в формальной обстановке офиса, чтобы не столкнуться опять с формальным отказом.

Лев понял, что за столько лет он так привык к власти, которую дает звание, что сейчас придется продумывать хитроумные ходы. Перед следующим визитом он побродил по большому супермаркету с одеждой, оплатил выбранное и тут же переоделся в новую одежду. Свой прежний наряд – рубашку и брюки – сыщик сложил в увесистый пакет и набил его до приличного объема пустыми пакетами, которые собрал рядом с мусорным ведром на остановке, выбирая такие, которые отличались неприятным запахом. В ближайшем почтовом отделении опер-отпускник утянул квитанцию, подписал уведомление на одном из бланков, которые лежали стопкой на столе, и даже умудрился присвоить фирменный скотч, пока работница была увлечена перепиской в телефоне. «Сегодня в городе будет побит рекорд по количеству странных краж», – мысленно усмехнулся Лев. Он обмотал пакет скотчем с маркировкой «Почта России», исписал квитанцию и вошел в здание страховой компании.

На унылом ресепшене сидела девица и со скучающим видом, как и работница почты, не торопилась оторвать взгляд от телефона, тем более при виде курьера в пестрой бейсболке, просторной футболке и легкомысленных шортах. Тот сунул огромный, отвратительно пахнущий пакет ей практически под нос:

– Пакет Савельеву, забирайте.

– Его нет, он на больничном. – Девушка даже не повернула головы.

– Ну, мне-то че, распишитесь за него! – Наглый «доставщик» так и пихал ей грязный вонючий пакет. – Трубку он не берет, адрес домашний указал, а квартиру забыл. Я на работу ему принес, пускай забирает.

– Как вы достали! – скривилась девушка и уткнулась в монитор. – Улица Зеленая, дом пять, квартира сто двенадцать. Тащи свой пакет к нему домой, нет его на работе. Он деловой, ходит в офис, когда хочет, все по клиентам мотается. Вот и ты к нему мотай. Где вас только таких настырных берут...

– Блин, да от посылки рыбой воняет, опять ее по жаре тащить?! – заныл напоследок Гуров, и секретарша махнула на него пилочкой для ногтей, чтобы назойливый «курьер» как можно быстрее испарился с неприятной ношей.

Адрес страховщика теперь есть, можно навеститься к нему для приватной беседы. С пакетом Гуров медленно обошел вокруг здание компании, прикидывая, можно ли туда забраться ночью, если не удастся разговорить упрямого менеджера.

Фальшивая посылка полетела в ближайшую мусорку, после чего сыщик вытер руки влажными салфетками и запрыгнул в автобус, чтобы вернуться в гостиницу. До возвращения жены ему необходимо привести себя в нормальный вид, просмотреть письма Тины и сделать пару важных звонков.

В гостинице творилось столпотворение, гости с чемоданами и орущими детьми торопливо покидали свои номера. Семейная пара ругалась с Максимом на крыльце коттеджа.

– Да какие могут быть извинения! – визжала полная блондинка. – К нам в номер залезли воры! Воры!!!

– Но вы же говорите, ничего не пропало, – слабо возражал хозяин гостиницы, пока женщина все повышала и повышала голос.

– Еще бы они украли что-нибудь! В этом жутком беспорядке я, может, еще и не нашла, что они украли! Мы не можем здесь оставаться, это небезопасно! Возвращайте деньги!

Максим покорно вытащил портмоне и принялся отсчитывать купюры. Остальные жильцы удалялись с сумками и чемоданами, искоса наблюдая за неприятной сценой. Довольная парочка с деньгами выскочила из калитки. Блондинка напоследок заговорщически выдохнула Гурову прямо в лицо:

– Бегите отсюда, у них в гостинице орудует вор! Все номера вскрыты! Здесь невозможно находиться!

Лев приветливо ей кивнул и подошел к печальному Максиму, который присел на ступеньки коттеджа.

– Как дела, Макс? Ты так быстро вернулся...

– Да ехать недалеко, за пару часов обернулся. – Мужчина сидел, ссутулившись, словно ему сломали хребет. Он с горечью пожаловался Льву: – Жена в ужасе, на дочь напали, в гостиницу кто-то залез и перевернул все номера, пока отдыхающие были на пляже, подружку Ленкину сумасшедшая старуха прирезала. Что за несчастья на нас сыпятся? Может, и правда проклятое это наследство?... Жильцы все сбежали. Да я их понимаю, тоже деньги бы забрал и дал деру после такого. Но как мне жить, чем семью кормить? Думал, уже хуже не будет после прокуратуры, а вот хуже стало... Хоть в петлю лезь...

Гурову стало искренне жаль этого взрослого мужчину, который чувствовал себя таким бессильным перед непонятными бедами, преследующими его семью. Он присел рядом.

– Я понимаю, ты сделал все, что мог. Я тоже постарался. Вот только никак от вашей семьи не отстанет преступник. Именно он источник ваших несчастий. Вы от него убегаете, а он вас дожимает. Так вечно продолжаться не может, не будешь же ты всю жизнь скрываться и жену с детьми прятать? Долги растут, тебе зарабатывать надо.

– И что ты предлагаешь?... Может, морду ему набить? – оживился мужчина, который уже потерял надежду остановить вал несчастий, навалившийся на его семью.

– Кому? – вкрадчиво уточнил Лев.

– Ну, мужику этому из страховой, забыл имя. Это при нем началось все это... Анька в больницу попала, весь дом и номера в гостинице перерыты, постояльцы сбежали, прокуратура наследство не отдает.

– И Галину убили.

Максим содрогнулся:

– Ты тоже думаешь, что не случайно старуха Галку прирезала? Ленка тоже с утра завелась, что все связано. Я уж успокаивал ее, ведь это явно случайность. Ну, работала Галка медсестрой – и ее бабулька чокнутая прирезала, значит, так ей было суждено. Работала бы на

«железке», может, поезд бы переехал. Валентина уже полгода как померла: ну, какая здесь связь может быть?

Лев промолчал о папке, которую передала ему директор, и о письмах. Чтобы действовать, он должен сначала понять, в какую сторону бежать. Необходимо изучить весь материал. Так что ему на руку, что Жуковы напуганы и укрылись в безопасном месте. Он ободряюще похлопал хозяина гостиницы по плечу:

– Дай мне немного времени, чтобы во всем разобраться. Первым делом нужно встретиться с сотрудником из страховой. Я считаю, что это он проникает в гостиницу, ищет что-то. Морду набить – это, конечно, хорошая идея, но боюсь, что его такой прием не остановит. Понимаешь, он же ищет что-то среди наследства Валентины и не может найти. Вещи из коробок он уже видел и ничего не забрал. – Лев Иванович похлопал по пачке писем, которая снова перекочевала к нему за пазуху: – Остался последний вариант – отдать ему переписку Тины. Я сегодня забрал ее из музея. Вдруг это она ему нужна.

– Зачем ему письма старухи? – удивился мужчина.

– Не знаю. Я прочитаю их сегодня и сфотографирую на телефон. Но вообще, предлагаю их отдать добровольно и понаблюдать.

– И как мы это устроим? Я и имени-то его не помню. Где его искать?

Гуров успокаивающе хлопнул его по плечу:

– Я все продумал. Сейчас объясню, что делать.

Он отправил Максима готовиться к операции, а сам принял душ и сделал снимки всех писем и конвертов. Внешне ничто не бросалось в глаза и не казалось странным. Обычные письма на имя Валентины. Единственное – на них не было марок. Почерк на всех листах одинаковый, в текст он пока не вчитывался. Завтра вернется корабль, на котором путешествуют Мария с профессором, и на пляже он спокойно все прочитает. Сегодня за оставшиеся вечер и ночь надо успеть проверить массу дел.

В хозяйском коттедже он заранее взял чистый лист бумаги и крупными буквами вывел: «Сегодня в полночь у гостиницы, на веранде. Ты получишь, что хочешь». Это послание Гуров лично повез на улицу Зеленую.

По дороге Лев прочитал восторженные сообщения от жены о том, как прекрасно проходит поездка, что они видели дельфинов, а профессор Кальман очаровал ее рассказами об устройстве корабля. Завтра никаких расследований. Маша вернется к обеду, и оставшуюся половину дня он проведет с ней, забыв обо всех проблемах.

Возле небольшого пятиэтажного дома сыщик затаился и стал наблюдать. Гуров поначалу решил, что придет лично и побеседует с представителем страховой компании, но после неудачных попыток провести неофициальное расследование и череды равнодушных отказов решил действовать по-другому. Ему необходимо было, чтобы Анатолий задумался о сделке: письма покойницы вместо спокойной жизни семьи Жуковых. В конце концов, Лев лично осмотрел письма и не нашел в них ничего криминального, так что почему бы и не договориться. Но просто так прощаться с корреспонденцией ему не хотелось, оперативник никогда не играет вслепую. Лев Иванович придумал хитроумный план, чтобы выманить Анатолия и узнать, для чего ему переписка Песоцкой.

Возле дома страховщика оперативник занял наблюдательный пост за небольшим продуктовым киоском. Трое мальчишек бурно пересчитывали мелкие монеты, но на вожденную большую бутылку газировки финансов не хватало. Лев предложил им за работу курьера добавить щедрую сотню. Мальчишки сложили на пальцах, сколько составляет предложенная сумма в бутылках газировки, и с энтузиазмом рванули на нужный этаж. По возвращении за подробный отчет они получили сто рублей и исчезли за стеклянной дверью магазинчика.

Гуров демонстративно засуетился по двору и замер в жидких кустиках у соседнего дома. Там сыщик принялся усердно водить глазами по фасаду дома, вычисляя окна и балкон Анато-

лия Савельева. Разумеется, весь спектакль с нанятыми «курьерами» и нелепой конспирацией он разыграл специально, чтобы мужчина, настороженно наблюдавший из-за тонкого кухонного тюля на третьем этаже, увидел в нем не опытного оперативника, а недотепу, решившего пожить на загадочной истории. Полчаса в кустах в роли неумелого шпиона, и Гуров поехал обратно на автобусе в гостиницу.

По дороге он сделал звонок своему начальнику, генералу Орлову. Петр Николаевич обрадовался, поделился рабочими новостями, с легкой завистью расспросил об отдыхе на море, а потом серьезным тоном уточнил:

– Так ты мне про дельфинов позвонил рассказать, Лев Иванович?

– И про них тоже, но есть тут, помимо отдыха, и неприятные моменты. Так вышло, что меня попросили помочь с одним расследованием. – Гуров рассказал основные моменты произошедшего. – Начиналось все невинно, а сейчас уже дошло до смерти людей. У меня на руках есть кое-какая информация, я считаю, важная и нужная для расследования. Но работники в прокуратуре на контакт не идут совсем, советуют отдыхать и ездить на экскурсии. Я по-хорошему попытался пообщаться, но хотелось бы теперь через вас на более высоком уровне решить вопрос, приобщить информацию к уголовному делу.

– Странные какие, от раскрытия уголовного дела отказываются, – согласился генерал. – Так и быть, поговорю с нашими, что там за система у них на юге, завтра позвоню тебе с отчетом. Неугомонный ты, Лев Иванович, даже в отпуске...

– Пока жена в круизе, решил немного размяться, чтобы не терять форму, – отшутился полковник. Ему нелегко было сделать этот звонок, признающий, что он бессилён без официального статуса в отпуске. – Буду ждать вашего звонка, Петр Николаевич.

Возле входа в гостиницу его ждал перемазанный землей Максим Жуков. Гуров одобрительно осмотрел все, что тот приготовил для ночной операции, и предложил сделать перерыв. Хозяин гостиницы ловко организовал прохладные напитки, выплескивая все эмоции и мысли, что накопились у него внутри. Было понятно, что мужчина размышляет над тревожными событиями уже давно.

– Я вот понять не могу, почему и вы, и Лена думаете, что Тинкино наследство связано со смертью Галки?

– Давай уже на «ты», – предложил Лев.

Максим охотно закивал и поставил на стол запотевший графин со свежим домашним лимонадом. Солнце уже начало садиться, они ждали полуночи. Мужчина разлил напиток по стаканам и продолжил:

– Ну, я понимаю, что у мужика этого из страхового интерес свой к Тинкиным писулькам. Уж не знаю, чего там важного, может, карта сокровищ нарисована, которых у нее отродясь не водилось. Так сказал бы прямо, что так, мол, и так. Мне-то что от этого секрета, если я отгадки не знаю. Вот земля и домик для меня понятная вещь – гостиницу построили, будем бизнес вести. Секреты все эти, по мне, – так, детская забава, только время терять. И зачем ему потом Галку убивать? Тем более старуху же с ножом окровавленным нашли на железнодорожных путях. Старуху для чего он приплел? Слишком заумно, я считаю. И все непонятно, чего ради. Сам не знает, что ищет. Если бы знал, давно бы нашел в вещах, ведь правильно? Считай, коробки он все перерыл тогда на веранде, когда Аньку мою стукнул по голове. Ух, не прошу я ему этого! – Лицо Максима в одно мгновение залилось краской гнева, он стиснул свой стакан, вспомнив об ужасной сцене на веранде.

Лев Иванович не прерывал его, внимательно слушал, но не торопился рассказывать о папке от директрисы и ее предположениях. Даже если она права и Клара как-то связана со смертями стариков – какое отношение к ней имеет наследство Валентины Песоцкой, совершенно неясно. Если разобраться со страховой он чувствует себя обязанным, то расследование дел, творящихся в пансионате для престарелых, его точно не касается. Если бы не упрямство

прокурорского работника, он уже утром избавился бы от директрисиной папки. Он и папку-то взял лишь в надежде разобраться таким образом с историей Валентины и помочь чете Жуковых.

За разговорами дело подошло к полуночи, и Лев предложил испытать сооружение, которое за время его отсутствия успел приготовить напарник. Веранда заканчивалась вместе с плоской площадкой холма, и дальше шел крутой спуск с рыхлой землей, плотно покрытый колючим ковром из множества растений. Спускаться по отвесной стене было очень трудно, можно легко полететь кубарем, если не ползти осторожно, нащупывая каждый шаг. Расчет у Гурова был прост: после передачи писем он должен оказаться внизу быстрее, чем Анатолий, и проследить, для чего страховщику письма старушки. А чтобы оказаться внизу быстрее страховщика, хозяин гостиницы соорудил чуть поодаль за углом веранды, так, чтобы не было заметно, незатейливое приспособление для спуска вниз – к дереву привязал крепкую веревку длиной до самого подножия холма.

Максим засекал время на телефоне, и Лев, перехватывая руками узлы веревки, резво принялся съезжать по склону, как заправский лыжник. Спустившись к полоске пляжных песка и гальки, он тем же способом вернулся к коттеджу Жуковых. Наверху его встретил восхищенный возглас:

– Три минуты на спуск и восемь на подъем! Вот это ты, Лева, силен! Ну-ка, – раззадорился Максим и ухватился за веревку, – засекай время, сейчас проверим мои показатели!

Он с энтузиазмом принялся сползать по покатоному боку холма, чертыхаясь и с усилием держась за натянутую поддержку. Но обратно мужчина вернулся не скоро, выбрав привычный подъем по лестнице. Красный и запыхавшийся, он практически рухнул в одно из кресел веранды, дыхание сбилось, руки дрожали.

Время встречи приближалось, и Максим пошел готовить второй сюрприз для страховщика. Лев выключил яркий свет на веранде, подвинул кресло поближе к ограждению, конверт положил на колени и прислушался.

Внизу раздавался шум, шуршала трава, кто-то тяжело дышал. В лунном свете заблестела лысина, прикрытая тонкими прядями зачесанных назад волос, потом покатые плечи в черной футболке и, наконец, грузная фигура Анатолия целиком. Он с трудом ухватился за балку ограды, подтянулся и замер, не решаясь залезть на веранду. Из-за многодневной щетины вид у него был еще угрюмее, чем при первой встрече. Зачесанные пряди свесились от активного подъема на лицо, грудь ходила ходуном от чрезмерных усилий. Он так взмок, что на кончике бугристого, как картофель, носа повисла капля пота. Мужчина увидел Гурова и прохрипел с трудом:

– Ну, чего хотел? Давай быстрее.

– Да ты поднимайся сюда, я не кусаюсь. Разговор есть.

Лев старался говорить миролюбиво, но при этом растягивал слова и покачивался, как пьяный. В тусклом свете рассмотреть лицо было трудновато, единственное, что могло его выдать, – это отсутствие запаха. Но от самого Анатолия несло таким сочетанием густого перегара и пота, что его «аромат» заполнил все вокруг.

– Чего болтовню разводить, – буркнул страховщик, но перевалился через низкие перильца. – Бумаги старухины нашел?

– Вот они.

Гуров похлопал по конверту, заметив, как в сумраке вытянулось лицо его собеседника. Казалось, даже нос стал длиннее, будто он принюхивался к содержимому.

– Ну и сколько хочешь?

Анатолий переминался от нетерпения, а Лев нарочно медлил, чтобы раззадорить его. Он взял конверт в руки, поднес поближе к глазам, покрутил и как бы задумался:

– Даже не знаю, бесценная посылочка... Да что ты о деньгах все, чего мне бумагу на бумагу менять. Я другого хочу.

– Ну? – нетерпеливо рявкнул мужчина.

– Зачем тебе бабкины бумажки, а? Давай так: ты берешь меня в долю, а я тебе помогаю без вопросов, – хитро протянул Лев.

Мужчина замер на несколько секунд в раздумьях. Гуров взмахнул конвертом прямо перед «картофельным» носом для усиления эффекта.

И Анатолий сорвался. Он выхватил конверт одним движением, перегнулся через перила, подогнул ноги и покатился на пятой точке вниз, словно по ледяной горке. Одной рукой мужчина прижимал к себе драгоценную ношу, а второй тормозил свой стремительный спуск, цепляясь за стебли. Лев Иванович во весь голос крикнул:

– Стой! Верни конверт! Ну, держись! Я сейчас тебе устрою небо в алмазах!

Он продолжал пронзительно кричать, постепенно переходя на стон и ругательства. От угла коттеджа отделилась фигура в такой же, как у Гурова, белой футболке и кубарем покати-лась вниз под крики и ругань, словно неудачно рухнула со склона холма. Лев поспешно переместился вдоль перил, не переставая выкрикивать ругательства и изображая боль, пока самодельный манекен в похожей одежде выделывал в воздухе пируэты. Подойдя к углу дома, сыщик вцепился в привязанную веревку и стремительно, но почти бесшумно начал спуск.

Уже через несколько минут опер оказался внизу и притаился за огромным валуном, дожидаясь, пока страховщик доберется до подножия холма. Расчет оказался верен: увидев переодетую огромную куклу и услышав крики, Анатолий решил, что Гуров во время погони получил травму и не сможет больше его преследовать. Мужчина теперь спускался неторопливо, осторожно выверяя каждый шаг.

На ровной поверхности Анатолий бросился к полоске пляжа, плюхнулся прямо на гальку буквально в паре метров от Льва, выхватил из кармана джинсов фонарик на ремне, натянул его на лоб и лихорадочными движениями принялся потрошить конверт. Луна освещала его скрючившуюся фигуру. Мужчина выхватил первый лист, потом второй, третий и так далее, в раздражении он вытряхнул конверт прямо под ноги и перебрал всю стопку писем.

– Не то, все не то! Где они, черт возьми, – бормотал он под нос, ничего вокруг не замечая.

Опер осторожно приподнялся, держа в руках веревку. За неимением наручников пришлось воспользоваться подручными средствами из сарая Жуковых. Но его опередил Максим, который с усилием успел сползти по веревке к пляжу, добежать с топотом до согнувшейся фигуры и с размаху опустил мужчине на голову камень. Анатолий рухнул без единого звука, а Максим отвесил ему увесистый пинок:

– Это тебе за мою Анютку!

Лев схватил его за руку и рывком почти опрокинул на спину:

– Ты что творишь! А если ты его убил?!

Лев проверил пульс и бросился собирать письма, разлетевшиеся во все стороны. Максим оторопело застыл у неподвижного тела, внезапно осознав, что он натворил.

– Лев, он живой? Ты проверил?

– Живой, – буркнул в ответ Гуров.

Он тщательно разгладил листы, сунул их в конверт и убрал его под футболку. Максим провинившимся псом ходил за ним по пятам.

– Лев, ну, извини, я так разозлился, когда этого урода увидел. Он же жизнь мне всю погубил, можно меня понять. Не удержался немного.

Человек на камнях застонал и потянулся к голове.

– Суки, что вы делаете! Я вас посажу всех, уроды!

Лев рывком посадил страховщика так, чтобы было видно его лицо, стянул фонарик и направил яркий свет в глаза. Тот отпрянул и застонал, по шее из головы стекала кровь, но Лев старался не обращать внимания.

– Отвечай сейчас же, зачем тебе вещи Песоцкой, и мы тебя отпустим.

Но Анатолий лишь щурился от яркого света. Вдруг он ослабилась, вялые губы скривились в ухмылке:

– И что ты сделаешь, ментяра? Ментов своих вызовешь, чтобы рассказать, как вы меня камнем по башке огрели? – Мужчина покачнулся и с трудом поднялся. – Ты меня не пугай, за мной такие люди стоят, что вас, как букашку, размажут. Наследства вам не видать. И никто ничего не узнает. Там такие люди – не как вы, придурки, которые в сыщиков играют. – Он ткнул окровавленным пальцем в Максима: – Ты мне ответишь, за каждую каплю крови моей рассчитаешься. Не жить тебе в этом городе, понял? – Анатолий зашагал прочь от них, но повернулся со стоном. Его сильно качало. – Завтра домой мне все вещи привезите бабкины и бумажки. Письма дурацкие нечего пихать. Тащите остальное. Иначе вами серьезные люди займутся, будете ходить и оглядываться. И нос не суйте не в свое дело, а то оторвет.

Страховщик захромал по пляжу в сторону городских огней. Максим Жуков застыл на месте, растерянный и поникший, а Лев еле сдерживался, чтобы не броситься за преступником. Он понимал, что сделать ничего сейчас не в силах. Даже если вызвать полицию, пострадает от этого Максим, который сгоряча испортил весь замысел. От отчаяния Жуков с размаху опустился на камень и обхватил руками голову – только сейчас до него дошло, как он ошибся. Они не только не смогли добиться ответа от страховщика, что он ищет в личных вещах Тины, но лишь разозлили его и дали повод для мести. Лев тоже был раздосадован, что его план был нарушен, но гораздо больше его злило то, что письма, которые достались ему с таким трудом, оказались не нужны преступнику. Он во второй раз не смог решить эту задачу, логическая цепочка рассыпалась, а Гуров снова оказался в самом начале расследования.

Лев с силой тряхнул Максима за плечо:

– Не раскисай. Идем.

Он поднимался по лестнице, пружиня на каждой ступеньке от внутренней злости, а его напарник плелся из последних сил. В коттедже Лев усадил его в кресло, принес стакан воды, лист бумаги с ручкой и приказал:

– Вспоминай.

– Что вспоминать?

Уныние мужчины казалось безграничным.

– Пиши, какие личные вещи вы забрали из пансионата после смерти Валентины. Ему нужно что-то, о чем мы не догадываемся. Давай. Это ключ. Вспомнишь и сможешь избавиться от страховщика.

– Ну... – Макс почесал в затылке и принялся выводить: – Стол, который у Аньки в комнате стоит, письма и открытки в музей она утащила, сумку Галка себе забрала, а остальное в коробках лежит, – мужчина махнул рукой на три картонки в углу веранды.

– Стоп!

От окрика опера Максим подпрыгнул на месте, перестав выводить четвертый пункт.

– Как ты сказал?

– Остальное в коробках, Галка сумку...

– Нет, – оборвал его резко Лев. – Что Аня унесла в музей?

– Письма Тины, открытки старые.

– Что за открытки? В конверте из музея не было открыток. Только письма.

– Ну, такие старые открытки, как в детстве моем. Они на стенд уже пришили, для выставки же, – удивился Максим. – Анька говорила, что открытки будут в выставке участвовать, она еще в интернете по каждой искала информацию, кто художник, в каком году выпу-

стили. Да там все они копеечные, лет двадцать назад такие присылали по почте, чтобы с Новым годом поздравить или с Восьмым марта. Их все знают. Мишка с цветами, помнишь? Зайцы елку наряжают. Мы такие в школе девочкам дарили, маме я из армии присылал, даже Лене подписывал в те времена, когда мы просто дружили.

– Этих открыток нет ни в коробках, ни среди писем.

– Конечно, нет, они же в музее. Анька их как увидела, так в тот же день утащила. Она же девочка, в восторге от зверюшек. Ну и потом неделю целую мастерила этот стенд с руководителем, у меня и фотографии есть.

Максим открыл галерею на телефоне и показал снимок большого щита из фанеры в рамке, где были прикреплены двадцать открыток и под каждой небольшая распечатка с пояснениями. Лев внимательно просмотрел каждый миллиметр снимка. Обычные открытки, которые продавались буквально лет двадцать назад во всех книжных магазинах и отделениях почты. Интересные экземпляры для школьников, что пришли на экскурсию в краеведческий музей, но точно не имеющие спроса у коллекционеров и собирателей старины. Со вздохом сыщик попросил:

– Забери их из музея, пожалуйста.

– Но как же... – заупрямился Максим. – Ребенок старался, неделя трудов... Она так расстроится...

Лев чувствовал себя уставшим и раздосадованным. Стараясь не выпускать бурю из себя, он строго пояснил:

– Максим, я понимаю, что дочка для тебя важнее всего в жизни, но ты вспомни, что она и жена сейчас у тебя прячутся в деревушке подальше от преступника, который ничем не гнушается, и остановить его не получается. Так что давай используем последний шанс и отдадим ему открытки, вдруг он ищет именно их. Сделай, как я тебя прошу.

Максиму оставалось лишь согласно кивнуть.

На Льва накатила тяжелая усталость, но спать он и не думал. Сгреб все письма и папку директора и устроился в номере с убойной порцией кофе, чтобы наконец разобраться с информацией.

Однако усилия его оказались напрасны. В письмах некий Григорий обращался к Валентине, уговаривая тогда еще молодую девушку не переживать и доверять ему. Ничего криминального, связанного с событиями в современном мире. Единственное, что Лев понял, – Григорий был несвободен и состоял с Валентиной в любовных отношениях достаточно длительный период.

Потом он пролистал папку с документами из пансионата, где лежали копии договора между Ивановой Klarой Сергеевной и пансионатом по уходу за пожилыми людьми в городе Краснодаре сроком на полгода. Точно такой же договор спустя месяц Клара заключила в Ростове-на-Дону, и самый поздний договор был подписан в Сочи. Гуров начертил в блокноте схему: Клара переезжала из города в город, заключала договоры с пансионатами на полгода, проживала там, затем пропадала на месяц и оказывалась в другом пансионате в другом городе. Отдельными листами шли распечатки отчетов директоров этих пансионатов, которые были озаглавлены как «Отчет о смертности». Там были указаны фамилии, даты и причины смерти. За полгода при отличном уходе и лечении умирали буквально два-три человека, но, как только в пансионате появлялась Клара, количество летальных исходов резко возрастало. За полгода умирало в общей сложности не меньше восьми человек. Но как только Клара собирала чемоданы и покидала пансионат, показатели возвращались к прежним нормам. Важная информация и абсолютно не нужная местной полиции, которая решила идти по простому пути и закрыть явное убийство, а потом и самоубийство.

Лев убрал все бумаги в огромный чемодан, где хранились его вещи, и вытянулся на кровати с блокнотом в руках, чтобы сделать заметки. По поводу требований страховщика Анато-

лия – завтра Максим отправится в музей и привезет открытки. Но если и там окажутся обычные, банальные для постороннего переписки, что делать тогда? Должен быть план Б, чтобы помочь Жуковым избавиться от преследователя. Лев глубоко задумался, уставившись в черный квадрат окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.